

Иосиф Фрейлихмант

ШУПАЛЬША СПРУТА

Иосиф Моисеевич Фрейлихман

Щупальца спрута

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73955377

Щупальца спрута : роман / Иосиф Фрейлихман: Вече; Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5260-4

Аннотация

В очередном выпуске серии «Шпионы. Дело №...» – роман Иосифа Фрейлихмана (1913–1996) «Щупальца спрута» (1960, 1964). Вышедшие шестьдесят лет тому назад «Щупальца...» мгновенно стали бестселлером среди отечественных ценителей шпионского романа. Американская разведка пытается выведать секреты создания атомного авиационного двигателя. В Советский Союз забрасывается агент «Актриса» – дочь расстрелянного белогвардейского офицера. Тонкие манипуляции чувствами и эмоциями сменяются сценами погонь и перестрелок, в ход идут яды и удары финками. Получив болезненный удар, враг отползает, но затем возвращается с новыми планами и коварными замыслами. Чекисты вступают в борьбу, отсекая одну присоску за другой.

Содержание

«Прошу вас, арестуйте этого дядю! Враг он...»	6
Часть первая	15
Глава I	15
Глава II	24
Глава III	28
Глава IV	32
Глава V	36
Глава VI	41
Глава VII	54
Глава VIII	60
Глава IX	66
Глава X	72
Глава XI	75
Глава XII	88
Глава XIII	108
Глава XIV	114
Глава XV	123
Глава XVI	128
Глава XVII	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Иосиф Фрейлихман Щупальца спрута

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст печатается по изданию:

Фрейлихман И. Щупальца спрута. Кишинёв: Картя мол-
довеняскэ, 1964.

© Фрейлихман И.М., наследники, 2025

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

«Прошу вас, арестуйте этого дядю! Враг он...»

Читатели нашей серии уже знают, что многие советские шпионские романы находили своё экранное воплощение: «Голубая стрела» (1958), «Друзья-товарищи» (1959), «По тонкому льду» (1966), «А был ли Каротин», (1989)... Во всех названных случаях писатели оставались людьми внешними по отношению к киноискусству. Но в истории нашего любимого жанра есть пример, когда в шпионскую литературу пришёл человек из мира кино. И если кто-то подумает, что речь идёт о сценаристе или даже режиссёре, то сильно ошибётся...

Иосиф Моисеевич Фрейлихман родился 5 апреля 1913 года в Кишиневе. В 1936 году его назначили директором детского кинотеатра «КИМ» в Тирасполе – столице Молдавской автономной советской социалистической республики. В 1940 году Фрейлихмана привлекают к процессу национализации кинотеатров в Кишиневе. Войну Фрейлихман провёл, как и многие выходцы из западных республик Советского Союза, в Средней Азии, трудясь в должности агента снабжения в Самарканде. После войны он возвращается в Молдавию и к своей довоенной работе. Бывший снабженец стал директором самого известного в Молдавии кинотеатра

«Patria» («Родина»), открывшегося в декабре 1952 года. Сегодня подобная должность вряд ли впечатлит молодое поколение, привыкшее к иному пониманию статуса и престижности. Но в советское время директор крупного кинотеатра – фигура знаковая и влиятельная. Нужно сказать, что Фрейлихман сумел развернуться. В кинотеатре играли музыканты из бывшего оркестра Петра Лещенко. Возникла особая атмосфера роскоши, которая была доступна среднему советскому человеку:

«В фойе стояли кресла, рядом на столиках лежали журналы и газеты. Буфет славился бутербродами с красной икрой, свежими булочками и настоящим черным кофе. Столы искрились накрахмаленными скатертями, посетителей обслуживал вышколенный персонал».

Почти каждый сеанс становился аншлагом. В кассы стояли целыми семьями. Как и положено, билеты в кино быстро очутились в списке дефицита. Не забывал директор кинотеатра и о профессиональном реноме своего учреждения. «Patria» внесли в список опорных пунктов журнала «Советский экран» с целью изучения зрительских предпочтений и формирования репертуарной политики. В кинотеатре часто проходили премьеры громких фильмов, на встречу со зрителями приезжали известные режиссёры и актеры.

Наладив работу вверенного ему учреждения, деятельный Иосиф Моисеевич решил расширить сферу приложения своих пока ещё скрытых талантов. Его взгляд упал на литерату-

ру. Он выбирает для себя нишу популярного тогда шпионского романа. Первая проба пера – повесть «Сюрприз–12» – выходит в 1957 году в «Госиздате Молдавии». Совсем скоро выяснится, что повесть – первая часть более крупной вещи начинающего жанрового автора. В 1960 году издательство «Картя Молдовеняскэ» выпускает первую крупную вещь Фрейлихмана – роман «Щупальца спрута». Тираж книги – семьдесят пять тысяч экземпляров. Роман заметили не только в Советском Союзе. В 1961 году «Щупальца спрута» был издан на немецком языке (под названием «Die Spionin»), а потом и венгерском («Virus–2 акció»). Через два года последовал перевод на болгарский язык. А на следующий год в уже известном нам кишиневском издательстве «Картя Молдовеняскэ» вышло второе издание «Щупальцы спрута» на русском языке. На этот раз тираж составил целых двести тысяч экземпляров. Правда, новое издание получилось несколько усеченным по сравнению с первым вариантом. Но не следует грешить на цензуру. Были убраны длинноты и исправлены некоторые редакторские огрехи. И в этот раз немалый, даже по тем временам, тираж мгновенно разошёлся. Один из читателей романа вспоминает сегодня:

«Я могу утверждать, что роман популярностью пользовался. Достаточно вспомнить тот, взятый мной в библиотеке потрёпанный, переклеенный экземпляр (а каждый пацан тогда знал: чем хуже книга выглядит, тем она интересней) или самиздатовский томик, купленный мной недавно на блоши-

ном рынке (ну, кто же будет корпеть над скучной книгой, создавая её “самопальную” копию?)».

В чём причина столь очевидного успеха книги никому не известного автора? Она имеет два объяснения. Первое – особенность построения сюжета. Он лишён идеологического «обвеса», которым иногда грешили даже отечественные сочинители шпионских романов. «Киношное» сознание автора заставляло отказаться от всего того, что тормозило действие. Во-вторых, за немалым объёмом романа скрывалась особая конструкция книги. Каждая из трёх частей «Щупалец спрута» представляет собой, по сути, отдельную повесть. Связаны они общими героями и пунктирным сюжетом. Собственно, первая часть романа и есть дебютная повесть Фрейлихмана «Сюрприз–12». Если провести аналогию с кино, то перед нами трёхсерийная картина. Благодаря этому удаётся поддерживать высокий темп, отказаться от искусственного «романного» растягивания сюжета в угоду борьбе за листаж. Всё начинается с репортажа из логова врага:

«Дэвис сидел с незажженной сигарой в руке и внимательно слушал Гоулена. Речь шла о будущей партнерше Дэвиса.

Временами на его крупном лице с выступающим подбородком появлялась едва заметная улыбка. Тогда его глубокие глаза блестели в сумраке затемненной комнаты, как два светлячка. От этого в его лице появлялось что-то хищническое.

Трудно сказать, что побудило шефа разведывательного

управления дать Дэвису кличку «Тигр»: внешний ли вид или изворотливость и хитрость, которые тот сочетал со звериной свирепостью в достижении намеченной цели.

Но сейчас в острых глазах Дэвиса, в наклоне головы, во всей фигуре сквозило беспокойство.

Беспокойство не покидало его с той самой минуты, как стало известно, что он, Дэвис, должен подчиняться Гоулену. Мало того. Раньше Дэвис работал один, полностью рассчитывая на собственные силы».

Теперь у Дэвиса появляется напарница – ценный агент с кодовым именем «Актриса». Дочь расстрелянного белогвардейского офицера Белгородова мечтает поквитаться с врагами семьи. Гоулен, не жалея красок, расписывает достоинства новой напарницы «Тигра»:

«В двенадцать лет хорошо стреляла из револьвера, бегло говорила на двух-трех языках. Ну, а потом...

Гоулен встал, налил в бокалы виски, отхлебнул глоток. Взглянув на застывшего в кресле Дэвиса, не прикасавшегося к своему бокалу, Гоулен продолжал:

– Короче, когда ей исполнилось пятнадцать, в училище не было лучшего стрелка, лучшей наездницы. И, черт возьми, пожалуй, никого красивее ее не было там. В восемнадцать лет в ее активе уже числилось несколько весьма рискованных и удачно выполненных поручений. Вы, наверно, помните о нашумевшей краже секретной почты из портфеля дипломатического курьера? Это одно из ее самых блестящих дел. –

Гоулен немного помолчал. – Уже около года она готовится для переброски в Россию. Владеет несколькими профессиями. Прекрасно играет, поет... Но самое главное оружие – это ее ненависть к Советской России».

Цель «Актрисы» – создатель новейших авиационных двигателей Степанковский. При внедрении в его окружение Лидия Белгородова использует такое свое оружие, как красоту и музыкальность. Но враги не боятся испачкать руки традиционными шпионскими приёмами. Читателя ждут выстрелы из пистолетов с глушителем, автомобильные погони, отравления и переодевания... Не чужд автор и некоторой сентиментальности. В одной из сцен мать по родинке на теле узнаёт во взрослом человеке своего давно потерянного ребёнка. Становится ясно, что в «Patria» широко шли и индийские фильмы с их традиционными ударными по чувствам и эмоциям зрителей эпизодами.

Понятно, что Фрейлихман, являясь при всех оговорках «человеком кино», не мог не задумываться об экранном воплощении своей главной книги. В шестидесятых у него вышел даже сборник киносценариев. Но дело тогда не сдвинулось, несмотря на всю пробивную способность и связи Иосифа Моисеевича. Ситуация изменилась только в конце семидесятых.

В 1978 году молодой режиссер Ион Скутельник снял на «Молдова-фильм» картину под названием «Агент секретной службы». В фильме снимались Ирина Мирошниченко,

Григоре Григориу, Думитру Карачобану, Лоренц Арушанян, Сергей Иванов. Одну из ролей второго плана сыграл Михай Волонтир – через год ставший главным цыганом всей страны. Основа фильма – те самые «Щупальца...», которые, наконец, сумели дотянуться до экрана. Сценарий Фрейлихман написал в соавторстве с Михаилом Маклярским – кадровым чекистом в прошлом и автором множества сценариев приключенческих фильмов. Без сомнения, самый известный из них – «Подвиг разведчика», за который Маклярский в 1947 году получил Сталинскую премию. Для соавтора шпионская тема была не чужой. Сталинский лауреат приложил руку к таким картинам, как «Секретная миссия» (1950), «Ночной патруль» (1957), «Выстрел в тумане» (1963), которые завоевали любовь и признание зрителей. В кинематографической среде Маклярский имел репутацию человека, способного «пробить» и «протолкнуть» фильм, обойти бюрократические и формальные препятствия. Его часто приглашали в соавторы именно с этой целью. Понятно, что и Фрейлихману понадобилась помощь в реализации своего кинопроекта. Как не трудно догадаться, премьера «Агента секретной службы» прошла в кинотеатре «Patria» в марте 1979 года.

Фильм откровенно не получился. Главная причина – вялость сюжета, невыразительность режиссуры, бледность игры героев. Перекрашенная в брюнетку Мирошниченко, изображающая роковую красотку, пытается завлечь в сети

пианиста Штефана – сына изобретателя. Лидия выдает себя за специалиста по фольклору. Естественно, что в фильме звучат народные песни, «отъедающие» драгоценные минуты куцега хронометража. Картина вчистую проиграла своему литературному первоисточнику. К этому времени писатель работал над очередной своей большой книгой. В 1972 году выходит повесть «Вызов принят», посвящённая советским разведчикам и их подвигам в годы Великой Отечественной войны. Как и в случае со своим главным бестселлером, Фрейлихман дополнил её «второй серией» – романом «Особняк на Садовой». В «комплекте» под одной обложкой обе части вышли в 1985 году. Но повторить успеха «Щупалец спрута» не получилось. Да и времена стремительно менялись. Совсем скоро прежде благополучная, зажиточная, мирная Молдавия погрузилась в пучину политических и экономических кризисов. К власти рвались националисты, спровоцировавшие в начале девяностых годов настоящую гражданскую войну.

В это трагическое время кино и литература перестали быть кому-то нужными. В 1993 году восьмидесятилетний Иосиф Фрейлихман уезжает в США – логово мистеров Дэвисов и прочих Гоуленов. Более чем преклонный возраст не помешал писателю вписаться в динамичный американский стиль жизни. Свидетельство тому – смерть Фрейлихмана. В августе 1996 года он попадает в автомобильную катастрофу. Для сочинителя шпионских книг подобный уход из жизни

похож на пролог ещё одного, увы, ненаписанного романа. В прошлом году исполнилось шестьдесят лет со времени выхода последнего издания «Щупалец спрута». Полагаем, что пришло время проверить, насколько сплав кино и литературы сохранил свою магию.

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Часть первая «Сюрприз–12»

Глава I

Дэвис сидел с незажженной сигарой в руке и внимательно слушал Гоулена. Речь шла о будущей партнерше Дэвиса.

Временами на его крупном лице с выступающим подбородком появлялась едва заметная улыбка. Тогда его глубокие глаза блестели в сумраке затемненной комнаты, как два светлячка. От этого в его лице появлялось что-то хищническое.

Трудно сказать, что побудило шефа разведывательного управления дать Дэвису кличку «Тигр»: внешний ли вид или изворотливость и хитрость, которые тот сочетал со звериной свирепостью в достижении намеченной цели.

Но сейчас в острых глазах Дэвиса, в наклоне головы, во всей фигуре сквозило беспокойство.

Беспокойство не покидало его с той самой минуты, как стало известно, что он, Дэвис, должен подчиняться Гоулену. Мало того. Раньше Дэвис работал один, полностью рассчитывая на собственные силы. Теперь же предстояло согласовывать свои действия с какой-то малоизвестной ему женщи-

ной.

Кто она? Кое-что Дэвис слышал, но ему и в голову не приходило, что с ней придется работать. По словам этого дутого франта Гоулена, она прекрасно знает свое дело. Так ли это? Можно ли довериться ей?

Дэвис наконец раскурил сигару.

– Насколько я вас понял, – заговорил он, – отец этой особы был белоэмигрантом? Пусть не покажется вам этот вопрос отвлеченным. Вы сами понимаете, что о человеке, с которым придется идти на такое дело, я должен знать все.

– Разумеется. Это ваше право.

Гоулен встал, прошелся по комнате и остановился у окна. В безукоризненно сшитом коричневом костюме, гармонировавшем с зачесанными на косой пробор каштановыми волосами, он выглядел моложе своих лет. Этому впечатлению способствовала и его подвижность.

Гоулен налил себе немного виски и снова удобно расположился в кресле. Встретившись с выжидающим взглядом Дэвиса, повторил:

– Разумеется...

Он немного помолчал, как будто припоминая что-то.

– Видите ли, ее отец появился здесь еще в 1922 году, и тогда же был завербован. Вначале, правда, он не привлек к себе особого внимания. В то время белоэмигрантов здесь было хоть пруд пруди. Большинство из них влачило жалкое существование безликих исполнителей чужой воли. Появле-

ние молодого офицера с казачьими усами по фамилии Белгородов ни на кого впечатления не произвело. Однако так было только на первых порах. Вскоре Белгородов заметно выделился среди других...

– Чем именно?

– Прежде всего, своей исступленной ненавистью к Советской России, – медленно выговаривая слова, произнес Гоулен. – Ко всему, что было связано с ее новым строем.

– Ну, положим, все они поют на один лад.

– Белгородов переплюнул остальных. С большевиками у него были особые счёты. – Губы Гоулена расплылись в насмешливой улыбке, обнажив золотые зубы... – Сын потомственного офицера царской армии, он принадлежал к богатой дворянской семье... Революция опрокинула его благополучие. Он подался к Петлюре. Чем кончилась петлюровская затея, вам объяснять незачем. Тогда Белгородов решил эмигрировать. Но он не успел осуществить задуманное, ибо как раз в это время на него обрушился новый удар, едва не стоивший ему жизни... Жена Белгородова – между прочим, судя по фотокарточкам, которые он привез, настоящая русская красавица – сбежала с каким-то революционером, простым рабочим. Белгородов попытался застрелиться – осечка! Отправиться на тот свет Белгородову чуть было не помогли большевики. Чудом ему удалось бежать во Францию, а затем к нам. Удивительно, что при всем этом он ухитрился увезти с собой двухлетнюю дочь. Шеф смотрел далеко.

Девочка была взята на домашнее воспитание. А когда подросла, ее определили в наше специальное училище. Там она училась языкам, светским манерам, музыке. У девочки обнаружился прекрасный голос. Это обстоятельство, разумеется, тоже не было упущено. Ну, условия нашей школы вам известны... Виделись они с отцом очень редко. С детства изолированная от всех, девочка всей душой тянулась к отцу, единственному родному человеку. Но мало родительской ласки видела она. Белгородов заботился главным образом о том, чтобы воспитать у дочери ненависть к большевикам и подготовить из нее верного союзника. Он постоянно твердил о том, что большевики погубили их, что мать бросила ее на произвол судьбы, продалась большевикам... А девочка, надо сказать, не лишена была способностей. В двенадцать лет хорошо стреляла из револьвера, бегло говорила на двух-трех языках. Ну, а потом...

Гоулен встал, налил в бокалы виски, отхлебнул глоток. Взглянув на застывшего в кресле Дэвиса, не прикасавшегося к своему бокалу, Гоулен продолжал:

– Короче, когда ей исполнилось пятнадцать, в училище не было лучшего стрелка, лучшей наездницы. И, черт возьми, пожалуй, никого красивее ее не было там. В восемнадцать лет в ее активе уже числилось несколько весьма рискованных и удачно выполненных поручений. Вы, наверно, помните о нашумевшей краже секретной почты из портфеля дипломатического курьера? Это одно из ее самых блестящих дел. –

Гоулен немного помолчал. – Уже около года она готовится для переброски в Россию. Владеет несколькими профессиями. Прекрасно играет, поет... Но самое главное оружие – это ее ненависть к Советской России. И мы верим в успех. Словом, мистер, у вас надежный партнер. Она сама разработала подробный план операции. И план, заметьте, одобрен шефом.

– Не слишком ли вы доверяете ей? – с нескрываемой тревогой спросил Дэвис. – Все же она русская. Этого не следует сбрасывать со счетов...

На гладко выбритом упитанном лице Гоулена промелькнула насмешливая улыбка. Барабаня длинными холеными пальцами по полированному столику, он небрежно сказал:

– Ваши опасения беспочвенны. Когда у человека крупный счет в банке, он своих убеждений не меняет. К тому же она поклялась мстить за гибель отца...

– Как понимать: «За гибель»? Разве он погиб?

– По-видимому, да. Дело в том, что еще в сороковом году Белгородов был переброшен через границу. Он благополучно приземлился, сообщил, что продвигается к цели. А потом... потом пропал...

– Что значит «пропал»? – Дэвис весь подался вперед.

Но Гоулен не торопился с ответом. Он покачивался в кресле, то и дело касаясь носком лакированного ботинка мокрой морды бульдога, лежавшего у ног хозяина.

– Это до сих пор остается загадкой, – наконец заговорил

Гоулен. – Будь Белгородов жив, давно нашел бы способ дать о себе знать. Но вот уже восьмой год как от него ни слуху ни духу. Сомнений в гибели нет. Исчезновение отца вызвало вначале бурю: дочь металась, неистовствовала, а затем впала в глубокое уныние. Чтобы вывести ее из состояния оцепенения, шеф применил не очень новый, но почти всегда наверняка действующий прием. Ей сообщили, что отец казнен русскими... При этом, разумеется, не упустили случая расписать подробности «казни»... Результат превзошел ожидания. Она поклялась мстить за отца беспощадно. И теперь неудержимо рвется в Россию. Так что можете не тревожиться, лучшего партнера вам не сыскать во всем Новом Свете!

Губы Дэвиса скривились в скептической улыбке. Глядя поверх головы Гоулена, он произнес:

– Что ж, характеристика лестная. – И, помолчав, спросил: – Как же ее зовут и когда мы отправляемся?

– Вам придется несколько задержаться здесь. В ближайшее время мы найдем способ перебросить «Актрису» через границу.

– Гм... – «Актриса». Не слишком ли экстравагантно? Однако позвольте, мистер, как может женщина, пусть даже способная на большой риск, ехать на такое опасное дело без моей помощи? Мне кажется, вы переоцениваете ее силы...

– Вначале поедет она одна, чтобы обжиться и освоиться там... Когда все будет налажено и настанет время решительных действий, поедете вы.

Медленно выговаривая слова, Гоулен продолжал:

– Наше управление оказалось дальновиднее некоторых сенаторов и дипломатов. Еще в сорок третьем году, предвидя неизбежный крах Германии и победу большевиков, мы позаботились о том, чтобы привлечь для работы в России немецкую агентуру. Немцы создали в оккупированных районах несколько хорошо скрытых баз в местах, где, по нашим предположениям, русские обязательно развернут строительство небезынтересных для нас объектов. К сожалению, советская разведка раскрыла многие из этих баз. Но та, куда едете вы с «Актрисой», сохранилась. Там есть много полезного для вас, в том числе и рация...

– Простите, а вам не приходило в голову, что русские могут обнаружить и эту базу, а следовательно, в конечном счете выловить и нас?

Гоулен посмотрел на собеседника с холодным презрением.

– Представьте, приходило. Человек нашей профессии обязан учитывать все. А вы как мыслите себе такую операцию? Как увеселительное турне?

У Дэвиса чесались руки от сильного желания дать этому фату по физиономии. Но он сдержал себя. Лицо его оставалось невозмутимым.

Дэвис поднялся, подошел к столику и налил воды. Держа стакан перед собой, он посмотрел сверху на сидевшего Гоулена и спокойно спросил:

– Когда можно будет подробно познакомиться с планом?

– Ровно через пять минут, – сказал Гоулен, взглянув на старинные настенные часы, – «Актриса» будет здесь. – Он тоже поднялся и, подойдя к окну, резким движением отдернул тяжелую штору. Солнечный свет хлынул в комнату и заставил Дэвиса зажмуриться. Он отступил вглубь и оказался за спиной Гоулена.

* * *

По залитой солнечным светом улице сновали автомобили, троллейбусы. Тротуары были запружены пешеходами.

У подъезда остановилась маленькая ослепительно-белая машина. Сидевшая за рулем женщина выключила мотор, легко выпрыгнула на тротуар, рывком захлопнула дверцу и упругой походкой направилась к дверям.

– Вот и она, – сказал Гоулен.

Дэвис от удивления чуть присвистнул.

Плотно облегающее платье обрисовывало точеные формы стройного тела. Длинные загорелые ноги были обуты в маленькие туфли на высоких каблуках. Уложенные на затылке большим узлом волосы подчеркивали грациозную линию шеи и плеч. Яркая красота молодой женщины поразила Дэвиса.

– Пройдите в соседнюю комнату и прикройте дверь, – повелительно произнес Гоулен. – Я вас позову, когда понадо-

бится.

Дэвис с плохо скрытой досадой отвернулся и вышел, а Голуэн тем же резким движением задернул шторы.

Глава II

Разрезая темноту светом фар, будоража ночную тишину резкими гудками, мчался скорый поезд.

В купе мягкого вагона, покачиваясь в такт движению стоял пассажир. Глаза его были устремлены в окно, за которым мелькали очертания строений, кустов и деревьев, едва различимых во мраке южной ночи.

Временами, когда купе озаряла вспышка молнии, можно было разглядеть, что пассажир этот молод, маленькие усики, темная шевелюра и в особенности большие голубые глаза делали его очень привлекательным. Одет он был просто, как студент, едущий на каникулы или на практику.

По спокойному виду молодого человека никак нельзя было предположить, что тревожные мысли не покидали его уже много часов.

Как бы невзначай, юноша посмотрел в открытую дверь. В хорошо освещенном коридоре по-прежнему маячила тень человека, сидевшего на откидном стуле. Да, этот спокойно читающий человек, несомненно, опасен. С той самой минуты, когда поезд прогрохотал по мосту, перекинутому через неширокую, но быструю реку, и остановился на первой советской станции, похожий на студента молодой человек почувствовал, что за ним следят. Углубленный в чтение пассажир только один раз взглянул на «студента» и после этого,

казалось, не отрывался от книги; однако при малейшем его движении «студент» внутренне настораживался. Как же они могли узнать? Все было так хорошо предусмотрено...

А, может, ему все это только кажется? Вряд ли.

«Студент» решил хорошенько разглядеть сидевшего. Он постоял еще некоторое время, потом медленно прошелся по коридору и остановился у окна.

Встревожившему юношу пассажиру на вид было не более двадцати двух. Под спортивным костюмом угадывались крепкая грудь и сильно развитые мускулы. Серые глаза, окаймленные густыми ресницами, приветливо смотрели на окружающих. То и дело он поправлял падавшую на лоб прядь волос. Ничего как будто не вызывало подозрений. И все же «студент» после внимательного изучения попутчика пришел к твердому убеждению, что этот человек представляет для него большую опасность.

«Студент» оторвался от окна, посмотрел на часы. Было около трех ночи. Сонно позевывая, он вошел в купе и закрыл за собой дверь. Рукояткой запер дверь и открыл боковой запор-секретку. Не зажигая света, он включил фонарик, достал из багажника кожаный чемодан, положил на мягкое сиденье дивана, открыл крышку и нажал на едва выступавшую кнопку. Боковая стенка открылась. В специальных гнездах находились финка и кастет. Из гнезда «студент» достал финский нож и небольшой пистолет.

Слегка замедляя ход, поезд преодолевал подъем.

«Студент» выключил фонарь и, взяв пистолет в правую руку, ребром рукоятки провел по стеклу. Образовавшийся квадрат он легко выдавил и повернулся, чтобы положить стекло на диван. Но угол откололся. Выронив осколок, он подхватил стекло, положил на диван и стал шарить по полу. Найти осколок не удавалось. Чтобы не терять времени, пассажир бросил поиски, подошел к окну, провел рукояткой пистолета по второму стеклу и пальцами вытолкнул его.

В купе повеяло ночной прохладой, в лицо брызнули капли мелкого дождя.

С того момента как лейтенант Костричкин получил задание, он полностью включился в дело.

Подобно борцу, отдающему всю свою волю и физическую силу, сноровку и опыт достижению победы, Костричкин подчинил всего себя единой цели – обнаружить непрошеного «гостя». И, как всегда в подобных случаях, готовился к самому трудному. Настороженный взгляд, брошенный «студентом» вслед проверявшим на границе документы, побудил Костричкина пристальней изучить пассажира. Стараясь не дать почувствовать «студенту», что за ним наблюдают, Костричкин читал книгу. Тем не менее от его напряженного внимания не ускользнуло ни одно движение «студента». Твердой уверенности, что это именно тот человек, которого он ищет, у лейтенанта не было. И все же он отправил младшего лейтенанта Корнилова сообщить полковнику Решетову о подозрительном пассажире.

Когда дверь купе закрылась за «студентом», Костричкин некоторое время продолжал сидеть в прежней позе, затем поднялся и вышел в тамбур. Там уже несколько минут его ждал Корнилов.

– Сообщил первому? – не сводя глаз с коридора, шепотом спросил Костричкин.

– Да.

– На всякий случай запомни приметы: глаза большие голубые, модные усики. Брюнет, но думаю – фальшивка... – Костричкин не договорил и, как бы что-то вспомнив, посмотрел на наружную дверь тамбура. – Не выпускай из виду коридор. Если выйдет, немедленно дай знать.

Костричкин открыл наружную дверь и повис на поручнях, всматриваясь в темноту. Частые вспышки молний и раскаты грома усиливали напряженность.

Вдруг Костричкин сделал знак Корнилову. Тот быстро подошел к дверям тамбура.

– Спрыгнул, дьявол! – По лицу и одежде Костричкина текли струйки воды. – Немедленно обследуй купе и сообщи, что я следую за ним...

– Костя!

Но Костричкин уже не слышал слов Корнилова. Оторвавшись от ступеней, он на ходу спрыгнул с поезда, и темнота мгновенно поглотила его...

Глава III

Было уже за полночь, когда майор Вергизов вышел из кабинета полковника Решетова. Дежурный по управлению доложил, что сведений от оперативных групп не поступало. Майор прошел в свой кабинет, включил настольную лампу и опустился на стул. Мягкий свет падал на письменный стол и освещал его сосредоточенное лицо. Густые брови майора были нахмурены, глаза – устремлены на полученное из Москвы сообщение.

В сообщении шла речь о том, что в ближайшие дни иностранная разведка забросит в этот район своего агента. Каким путем это будет сделано и что из себя представляет агент, в шифровке не говорилось.

Во втором часу поступило донесение от лейтенанта Костричкина с железнодорожной станции: обнаружен подозрительный пассажир – молодой человек, по виду студент. За ним установлено наблюдение. Оснований для задержания пока нет.

Кто этот пассажир? Уж не то ли это лицо, о котором говорилось в шифровке?

Костричкин, очевидно, не совсем уверен, что нащупал шпиона...

Молодость – большое преимущество, но она имеет и свои теневые стороны: нехватка опыта, знаний. Правда, лейтенант

Костричкин уже показал себя как вдумчивый, умный работник. Но ведь иностранная разведка тоже пошлет не новичка, а опытного и хитрого шпиона. Об этом забывать не следует. Оставлять лейтенанта Костричкина одного в такой ситуации опасно.

Вергизов посмотрел на часы. Если отправить капитана Завьялова на мотоцикле, то он, пожалуй, успеет прибыть на разъезд раньше, чем поезд. Майор снял телефонную трубку, чтобы вызвать Завьялова, но в этот момент в комнату стремительно вошел дежурный.

– Товарищ майор, от Костричкина! – Он протянул расшифрованное донесение.

Костричкин просил срочно выслать оперативную группу к поселку Красный Октябрь.

Лицо Вергизова посуровело. Что могло произойти у Костричкина? Ясно, что агент ушел, но при каких обстоятельствах? От Костричкина уйти не так-то легко...

Сообщив свои соображения полковнику Решетову, Вергизов через несколько минут уже мчался под проливным дождем на автомашине с оперативной группой.

* * *

Поселок был погружен в глубокий сон, когда машина с опергруппой остановилась у сельсовета. Костричкин встретил майора и вслед за ним вошел в здание сельсовета. Лицо

его было спокойно, только бледность слегка выдавала волнение.

Вергизов выслушал доклад и одобрил действия лейтенанта. Со времени, когда, по расчетам Костричкина, агент скрылся, далеко уйти он не мог, если только не воспользовался попутным автотранспортом. Колхозный сторож рассказал, что видел незнакомого человека с чемоданом, который держал путь в сторону районного центра. Это было час тому назад. Майор понял, что шпион будет пробираться дальше, в город. А там, в большом индустриальном центре, ему скрыться будет легко. Нужно во что бы то ни стало захватить его в пути.

Майор Вергизов распорядился двигаться к шоссе. Оставив оперативную группу, он приказал прочесать небольшой лесок, тянувшийся вдоль шоссе, а сам погнал машину к городу.

Но поиски ни к чему не привели. Агент скрылся бесследно.

Когда Костричкин исчез в темноте, Корнилов несколько минут оставался в тамбуре, оценивая обстановку. Ему очень не хотелось оставлять лейтенанта одного. Ведь вдвоем легче справиться со шпионом. Но Костричкин приказал обследовать купе и доложить начальству о случившемся. И Корнилов скрепя сердце отправился выполнять приказ.

Начальник поезда, пожилой человек с большими рыжими усами, молча выслушал Корнилова. Зачем-то вынул кар-

манные часы на длинной цепочке и открыл их. Но, так и не взглянув на циферблат, громко щелкнул крышкой и поднялся:

– Ладно, молодой человек. Проверить так или иначе нужно.

Вместе с проводником и вагонным мастером они подошли к дверям купе. На стук не ответили.

– Не теряйте времени, товарищ начальник, – поторопил Корнилов. – Дайте указание мастеру.

Мастер, привычно орудуя инструментом, быстро справился с задачей.

– Никому в купе не входить! – Голос Корнилова звучал повелительно. Присутствующие остались в коридоре.

Корнилов зажег свет и внимательно оглядел купе. Намокшие от дождя шелковые занавески громко хлопали на ветру. Он поочередно открыл оба дивана, заглянул в багажник – пусто. Тогда он тщательно обследовал все купе. Под стрелянкой обнаружил осколок стекла. Не прикасаясь к осколку, оставил его на прежнем месте и продолжал осмотр. Ничего больше найти не удалось.

Вырвав из блокнота лист бумаги, он поднял осколок, завернул его в бумагу, стараясь не стереть со стекла отпечатки пальцев того, кто здесь похозяйничал.

– Можете закрыть купе, – распорядился Корнилов и направился к выходу, поглядывая в окна вагона, где уже мерцали огни приближающейся станции.

Глава IV

Полковник Решетов широко распахнул окно, чтобы проветрить комнату, и залюбовался пробуждающимся городом. После обильного дождя деревья и цветы на клумбах выглядели особенно нарядно. Солнце радостно искрилось и сверкало, играло в каплях дождя, повисших на листьях. Вездесущие, суетливые воробьи порхали с ветки на ветку, поднимая звонкий галдеж.

В эти ранние часы рождающегося дня полковнику Решетову хотелось думать о счастье мирного труда. Хотелось думать, что нет этой коварной необъявленной войны, которую ведут правительства некоторых иностранных государств, посылая в нашу страну шпионов, диверсантов, посягающих на мирный труд и жизнь людей. Но мысли упорно возвращались к событиям прошедшей ночи. Враг проник на нашу землю, и кто знает, какие беды принесет он, пока находится на свободе.

Умудренный многолетним опытом работы, Решетов понимал, что враг глубоко заполз в щель и сразу найти его не удастся. По поведению врага, или, как говорят разведчики, по его «походке», можно было сделать вывод, что это опытный и потому особенно опасный шпион.

Резкий телефонный звонок отвлек Решетова от этих мыслей.

– Полковник Решетов у телефона, – сняв трубку, проговорил он. – Здравствуйте, товарищ Вергизов! Да? Ясно. – Решетов машинально потер рукой висок. – Хорошо. Сейчас еду...

Когда полковник Решетов прибыл на место происшествия, Вергизов, работник научно-исследовательского отдела капитан Линяев с неизменным фотоаппаратом на груди и судмедэксперт стояли у пруда.

Полковник окинул взглядом стоявшую поодаль группу колхозников и сидевшую, скорчившись, на бревне женщину. Вид ее не мог не привлечь внимания. Глаза были устремлены в одну точку. Лицо искажено, нижняя челюсть отвисла. Она была босая, в простеньком платье из штапельного полотна.

– Женщину мы застали в таком состоянии на том самом месте, где она и сейчас сидит, – доложил Вергизов.

– Что известно об этой женщине?

– Из местных жителей ее никто не знает.

– Что она говорит о себе?

– На вопросы не отвечает. Бормочет что-то невнятное...

– При ней есть какие-нибудь документы?

– Никаких. В карманчике платья найдена фотография шесть на девять. На тыльной стороне карандашом что-то написано, но прочесть нельзя – сильно стерта надпись.

– Где фотокарточка?

– У экспертов.

Решетов повернулся к судмедэксперту:

– Что вы скажете, доктор?

– Пока ничего определенного, товарищ полковник, – развел руками врач. – Нужно клинически исследовать, только тогда можно будет сказать, что это за случай.

Врач, близоруко щурясь, протер платком стекла, снова надел очки и направился к машине, куда с трудом погрузили женщину.

– Ваши соображения, Василий Козьмич? – обратился полковник к Вергизову.

– Несомненно, диверсия.

– Я тоже так думаю.

– Но для какой цели?

Полковник ничего не ответил.

– Как поиск? – после непродолжительного молчания спросил он.

– На станции Южная находится капитан Завьялов. Группе младшего лейтенанта Потрохова поручена работа в поселке Красный Октябрь.

– Да, загадочная история, – отдельно сказал Решетов. – Нужно, чтобы присутствующие поверили в то, что женщина просто сбежала из психоневрологической больницы.

– Ясно!

Вергизов больше не задавал вопросов. Он хорошо знал полковника и по выражению его лица понял, что Решетов внимательно обдумывает происшедшее, делает выводы, которыми поделится, когда все будет проверено.

Полковник Решетов с минуту молча курил. Потом, не прощаясь, сел в машину и уехал.

Глава V

Южная ночь быстро отступала перед натиском утра. В вершинах деревьев завозились и начали пробовать голоса озябшие от утренней росной прохлады птицы. Солнце не заставило себя ждать и ярко засияло, выхватывая из утреннего тумана отдельные стволы огромных деревьев. У одного из них стояла женщина. Она неотрывно смотрела на белесую ленту шоссе.

Вдали показался быстро приближающийся автомобиль. Женщина подняла стоявший у ног небольшой саквояж и торопливо стала спускаться по узкой, сбегаящей вниз тропинке. Серый пыльник, туфли на низком каблуке, какие обычно надевают в дорогу, слегка потемнели от утренней росы.

Она бегом пустилась по тропе, на ходу поправляя светлые вьющиеся волосы, небрежно собранные в узел на затылке.

У шоссе женщина остановилась, с минуту подумала, затем вышла на середину дороги и подняла руку.

Грузовик резко затормозил. В окно кабины высунулся человек средних лет.

– Не согласитесь ли подбросить в город? – просительно глядя на водителя, торопливо заговорила женщина.

– Пассажиров не возим, – угрюмо ответил шофер и скрылся в кабине.

– Послушайте, товарищ! – В голосе женщины слышалась

мольба. – Очень вас прошу! До города далеко, а у меня болит нога. Я заплачу#, не поскуплюсь... Сделайте одолжение...

– Ладно, – неохотно уступил шофер.

Дверца кабины открылась, и женщина, обойдя машину, села рядом с водителем.

Она сняла саквояж с колен и поставила его у ног. Затем, взглянув на водителя, не обращавшего на нее никакого внимания, достала зеркальце и стала причесываться. Она это делала медленно, тщательно прибирая каждый волосок. Затем стала разглаживать брови, красить губы, поправлять воротничок блузки, выглядывающий из-под пыльника.

За все время пути водитель ни разу не взглянул на пассажирку. Он напряженно следил за дорогой: шоссе давно не ремонтировалось.

Вскоре по сторонам шоссе стали попадаться – вначале отдельные, затем группами – домики предместья, спустя несколько минут, в течение которых машина преодолевала крутой подъем, разом открылась панорама большого города. Машина миновала заставу, и тут женщина попросила шофера остановиться.

– Сколько с меня? – спросила пассажирка, доставая из саквояжа небольшую сумочку.

– Сколько не жалко, – ответил шофер.

Она протянула ему двадцатипятирублевку и вышла из кабины. Спрятав деньги, шофер нажал на стартер.

А женщина, войдя в только что открывшийся гастроно-

мический магазин, куда хлынули покупатели, купила пачку папирос, спички и вышла.

На улице было многолюдно. Женщина внимательно прислушивалась к долетавшим обрывкам фраз, с удовольствием отмечая, что прохожие, особенно мужчины, окидывают ее взглядом с ног до головы.

Казалось, что она беззаботно наслаждается свежим летним утром, солнцем, излучающим тепло и яркий свет, любит нарядными витринами, зелеными деревьями и яркими цветами. Но ее внимательные глаза все примечали: вывески учреждений и предприятий, театральные рекламы, расположение и название улиц, даже марки легковых автомашин и их номера.

Дойдя до Советской улицы, женщина свернула за угол. Небольшая глухая улица в этот утренний час была тиха и безлюдна. Поравнявшись с домом № 38, она остановилась, внимательно огляделась по сторонам и прошла в калитку. В глубине двора стоял одинокий домик. Окруженный справа и слева красивыми каменными зданиями, он совершенно терялся между ними. Женщина постояла у дверей домика, прислушалась, потом постучала. Ей долго не отвечали. Но вот послышалась возня за дверьми, щелкнул крючок – и на пороге появилась приятного вида старушка...

– Вам кого?

– Вас, Даниловна, – проговорила женщина, бесцеремонно отесняя старушку и входя в дом.

– Как поживаете, фрау Мюллер? – тихо произнесла она условный пароль.

Старушка непроизвольно отшатнулась. Глаза ее беспокойно забегали с предмета на предмет. Хотя она давно несла эту службу, каждый визит неизменно пугал ее, особенно теперь, после долгого перерыва.

Гостья с минуту смотрела на Даниловну с нескрываемой досадой. Потом резким движением открыла саквояж и протянула старухе пачку сторублевок.

– Это от шефа. Скоро получите втрое больше.

Глаза старухи алчно заблестели, лицо покрылось пятнами лихорадочного румянца. Она не взяла, а как-то впилась руками в деньги. Гостья брезгливо отвернулась. Не дожидаясь приглашения, сняла пальто, достала из саквояжа вышитое полотенце и направилась в небольшую кухоньку к умывальнику.

– Никто не видел, как вы входили? – спохватилась Даниловна.

При звуке этого бодрого, молодого голоса гостья невольно вздрогнула. Из глубокой старухи Даниловна вдруг превратилась в женщину средних лет.

– Не тревожьтесь, фрау Мюллер, меня никто не видел. А если бы даже и видел, вам беспокоиться нечего. С документами у меня все в полном порядке. Паспорт настоящий. Запомните, – наставительно проговорила гостья, – я ваша племянница, приехала из Средней Азии. Зовут меня Лиди-

ей Владимировной Севериновой. Жить я у вас не буду, но видаться будем часто. Как база?

– Все в порядке! – глядя в глаза собеседнице, проговорила Мюллер. Движением руки она пригласила гостью в соседнюю комнату. Здесь отодвинула колченогое кресло, подняла коврик. Подойдя к старому потускневшему зеркалу, отодвинула его и нажала выступавшую на стене кнопку. Раздался легкий скрип, и половицы стали медленно опускаться. Из отверстия потянуло сыростью. Лидия смело ступила на лесенку, ведущую в подполье.

В эту ночь органы государственной безопасности нащупали передатчик, но запеленговать его не удалось.

Глава VI

Путь от рядового бойца до полковника – председателя Комитета госбезопасности – выработал в Решетове большую силу воли, зрелость мышления, глубокое знание человеческой психологии.

Старый чекист, Решетов понимал, что не всегда возможны быстрое разоблачение и поимка с поличным врага. Иногда обстоятельства диктуют необходимость сознательной оттяжки, чтобы выкорчевать врага с корнями. А это требует большого мужества и умения.

Полковнику вспомнилось бледное лицо Костричкина, его серьезные глаза и сжатый рот. Лейтенант мучается от того, что враг ускользнул. Но полковнику приятно было, что Костричкин не падал духом. Он по-прежнему деятелен, глубоко верит в успех, и группа его работает неутомимо. Да, воспитание людей, особенно молодых, имеет огромное значение. Решетов с теплым чувством подумал о майоре Вергизове. За пять лет совместной работы он успел полюбить этого всегда спокойного, рассудительного человека. Стойко перенося все невзгоды, связанные с их нелегкой работой, майор проявил себя смелым и умным разведчиком. Он передает свои знания и опыт молодым, воспитывает у них волю и смекалку...

Занятый этими мыслями, Решетов не услышал, как от-

крылась дверь и в кабинет вошел Вергизов в сопровождении капитана Смирнова и Костричкина.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Прошу, прошу, – поднялся навстречу Решетов. Его умные, глубоко сидящие глаза внимательно окинули вошедших офицеров. По озабоченным лицам полковник понял, что меры, предпринятые для поимки шпиона, результатов не дали.

– Значит, никаких новых следов? – Решетов застегнул воротник кителя, подошел к столику и налил себе воды.

Он пригласил офицеров сесть и пододвинул им раскрытый портсигар.

– Давайте подумаем вместе, как действовать дальше, – сказал Решетов. – Проверка показала, что умалишенная женщина не числится среди больных психоневрологической больницы. Случаев побега не было ни здесь, ни в радиусе движения поездов, проходящих через станцию Южная.

– Подтверждается первоначальная версия, – вставил Вергизов. – Значит, до встречи со шпионом женщина была в нормальном состоянии.

– Но каким образом, – спросил Костричкин, – шпион довел ее до умопомешательства? И для чего это ему было нужно?

– Надо полагать, – после непродолжительного молчания заговорил Решетов, – что действия диверсанта были продиктованы крайней необходимостью, вынудившей его оставить опасный след. Если шпион опытный, а по всему вид-

но, что это так, он не мог рассчитывать на то, что советская разведка оставит без внимания эту женщину. Значит, другого выхода не было, пришлось рисковать. Следствие показало, что применен какой-то новый, очень сильный и нам пока не ведомый яд, который действует токсически на центральную нервную систему и вызывает временное умопомешательство. Как долго женщина будет находиться в таком состоянии, сказать трудно. Консилиум врачей пришел к заключению, что ее можно вылечить. Оставим эту нелегкую задачу врачам. А сами проследим дальнейшие действия диверсанта. Все же шпион питал пусть даже слабую надежду, что мы не станем искать связи между умалишенной женщиной и сбежавшим диверсантом, и, следовательно, он выиграет столь нужное ему время. Тем более, что на теле необычной больной нет никаких следов насилия.

– Каким же образом произошла встреча женщины со шпионом? – задумчиво не то спросил, не то подумал вслух Смирнов.

– Можно предположить, что она, сойдя с поезда на безлюдной станции, встретила по пути в районный центр шпиона. Женщина оказалась одна глубокой ночью на безлюдной дороге...

– Непонятно, для чего диверсанту одежда пострадавшей? Инсценировка ограбления? Не думаю. Вполне возможно, что понадобились ее документы.

Решетов поднялся и открыл форточку. Снизу доносился

уличный шум. С минуту полковник постоял у окна, собираясь с мыслями.

– Затем, надо думать, – сказал он, – шпион встретил по дороге попутную машину, добрался на ней до города и скрылся среди населения.

Решетов закурил и после минутного молчания продолжал:

– Сейчас искать врага надо в городе. Из осторожности он, видимо, пока ничего предпринимать не будет. Только убедившись, что опасность миновала, примется за свое черное дело. Объектом его деятельности, несомненно, будет номерной завод. Уже давно иностранная разведка старается проникнуть в тайну изыскательских работ по созданию самолетов с атомным двигателем. Врагов интересует именно эта отрасль нашей промышленности, и вокруг такого объекта они постараются развернуть свою деятельность.

– Вы правы, Михаил Николаевич, – сказал Вергизов. – Этот вид промышленности их особо интересует. Идет борьба за скорость, которая, в конечном счете, будет определять господство в воздухе.

– Почему вы думаете, Михаил Николаевич, что именно наш завод они избрали? – спросил Костричкин. – Может быть, шпион только сбежал с поезда на территории нашей республики, а на самом деле намерен пробираться дальше?

– Интерес этот к нашему заводу объясняется работами авиаконструктора Степанковского в области чрезвычайно

важных проблем, имеющих большое будущее. Степанковский уже сконструировал несколько новых самолетов. Сейчас, как вам известно, он работает над созданием мощного воздушного корабля с атомным двигателем. То, что для всего мира является мечтой, Степанковский претворяет в жизнь. Вот почему иностранная разведка интересуется именно нашим заводом. Целью агента, очевидно, является проникнуть в тайну проектов Степанковского, а может быть, и помешать ему в их осуществлении. Наша задача, наряду с выявлением агента и его помощников, организовать бдительную охрану завода и людей, работающих на нем. Вам, товарищ Смирнов, поручается этот объект.

– Есть! – ответил Смирнов.

– По-прежнему особое значение имеет выяснение личности пострадавшей. Велите, Василий Кузьмич, капитану Завьялову и младшему лейтенанту Потрохову приступить немедленно к выполнению задания.

– Будет исполнено, Михаил Николаевич!

План поимки шпиона, разработанный Решетовым и Вергизовым, отличался четкостью и конкретностью. Перед людьми ставились предельно ясные задачи. При разборе задания с оперативной группой Вергизов стремился, чтобы каждый участник операции ясно представил себе, что именно ему предстоит делать.

Весьма важно было выяснить личность пострадавшей. То, что на пути шпиона обнаружена умалишенная женщина, ка-

залось на первый взгляд отвлеченным обстоятельством. Но после тщательного анализа работникам комитета стало ясно: это та нитка, которая поможет распутать весь клубок.

Как бы хитер ни был преступник, каким бы опытом он ни обладал, он не в состоянии отнять у следственных органов основного их оружия – свой собственный след. Гроза, разразившаяся в ночь бегства шпиона с поезда, сильно затруднила поиск. Единственным звеном, оказавшимся в руках следствия, была фотокарточка, найденная в кармане платья пострадавшей. Научно-исследовательский отдел занялся восстановлением стершейся надписи.

Когда по вызову Вергизова явились капитан Завьялов и младший лейтенант Потрохов, майора в кабинете не было.

– Майор Вергизов звонил, – сообщил дежурный, – что будет через десять минут.

Вскоре явился и Вергизов.

– Садитесь, товарищи, – пригласил он. – Только что закончена работа по восстановлению надписи. Всего девять слов. Вот они: «На память дорогому другу от Ибрагима Каюмова. Город Ката-Курган».

– Немного, – заметил Завьялов.

– Тем не менее надо найти этого Каюмова, – сказал майор. – И найти его поручается вам, капитан.

– Слушаюсь, – поднялся Завьялов.

– До отправления самолета остается два часа. Успеете?

– Вполне. Разрешите идти?

– Вот возьмите фотоснимки пострадавшей для опознания. – Вергизов протянул капитану пакет. – Действуйте, как условились. Да, зайдите к полковнику, он ждет вас.

Завьялов попрощался и ушел.

– Дополнительно к вашему заданию, товарищ Потрохов, необходимо взять под особое наблюдение паспортные столы милиции.

– Ясно, товарищ майор.

– Информировать меня ежедневно о ходе работ.

– Есть!

Недавно еще пустынное шоссе заполнилось шумной, оживленной толпой рабочих, высыпавших из проходной номерного завода.

Многие спешили в поселок: красивые двух- и трехэтажные дома белели среди молодой зелени в километре от завода. Другие направлялись к автобусной остановке. Третьи выруливали из ворот завода на своих автомашинах, мотоциклах и велосипедах.

Лавируя среди пешеходов и машин, Олег Кораллов медленно вел «Победу». Ему нетерпелось скорее вырваться на широкое шоссе, связывающее завод с городом. Олег спешил: встреча с друзьями назначена на восемь вечера. Утром он предупредил родителей, что ночевать будет не на даче, где жила вся семья, а на городской квартире. Наконец выбрался на простор и развил большую скорость. Сворачивая у развилки направо, Олег заметил далеко впереди женщину, идущую

щую посредине шоссе. Он был уверен, что она услышит шум автомашины и посторонится, но с досадой убедился, что та и не думает уступать дорогу. Не сбавляя скорости, резко за-сигналил. Женщина в панике метнулась вправо, споткнулась и упала.

Проскочив мимо, Олег остановил машину. Досадуя на неожиданную задержку, он подбежал к девушке, помог ей подняться и недовольно проговорил:

– Как же можно быть такой неосторожной! Так и под машину угодить недолго! Вы очень ушиблись?

– Ничего, обойдется, – не поднимая глаз и очищая пыль с содранного до крови колена, тихо ответила девушка. Олег предложил пострадавшей воспользоваться находившейся в машине аптечкой.

Он открыл дверцу машины, усадил девушку на сиденье, а сам опустился на корточки. Смочив в йоде намотанную на спичку вату, он стал смазывать колено.

Девушка вздрогнула от боли. Кораллов снизу вверх взглянул на нее и близко увидел ее лицо. Красота девушки поразила его.

– Вам далеко? – подымаясь и стараясь придать безразличный тон своему голосу, спросил Кораллов.

– В центр города.

– Я подвезу вас, мне это по пути.

– Спасибо, – ответила девушка, – и так доберусь.

– Ну нет, – твердо заявил Олег. – Я виноват, так позвольте

мне хоть чем-нибудь искупить свою вину.

Поколебавшись секунду, она согласилась.

Взявшись за руль, Олег незаметно посмотрел в зеркало, прикрепленное над ветровым стеклом, и остался доволен безукоризненно повязанным галстуком.

Машина сразу набрала большую скорость. Из-под колес полетел гравий. Навстречу бежали деревья, кусты. Глаза молодого человека внимательно следили за дорогой, но мысли были заняты неожиданной спутницей. Все в ней нравилось ему: большие голубые с живой искоркой глаза, полуприкрытые длинными ресницами, точеный нос, пухлые, красивого рисунка губы, светлые вьющиеся волосы. Чуть скосив глаза, заметил, что и она с интересом разглядывает его. Ему очень хотелось заговорить, но сковывало смущение.

Въехав в городскую черту, Олег остановил машину и, выйдя, постучал носком ботинка по скатам.

Как бы разгадав его хитрость, девушка с лукавой улыбкой заметила:

– Вы хорошо водите машину! Наверно, шофер первого класса?

– Я студент. Так сказать, будущий инженер, – ответил он.

– А машина?

– Моего отца, профессора Кораллова. Наверно, слышали о нем.

– Нет. Я приезжая и никого не знаю.

– И надолго к нам? В командировку или в гости?

– Почти угадали. Здесь у меня тетя, мы не виделись очень давно.

– А в нашем городе впервые?

– Да, – ответила она, опуская глаза.

Разглядывая лицо девушки, Олег старался определить, сколько ей лет. Во всяком случае, не более двадцати пяти. Значит, старше его, и это было ему приятно, тем более что она так благосклонно с ним разговаривает.

– Долго собираетесь пробыть здесь? – поинтересовался Олег.

– Еще не решила, – уклончиво ответила незнакомка.

– Вы студентка?

– Нет. А вы на каком курсе?

– На последнем. Сейчас практику прохожу на заводе. Торчу там целыми днями. Устал до чертиков. Но ничего, скоро кончится практика – отдохну как следует. Да, – вдруг спохватился он, – раз вы у нас впервые, разрешите мне показать вам город.

– Разрешаю, – смеясь, проговорила она, блеснув ровными белыми зубами.

Заметно обрадованный Олег вновь уселся за руль.

Когда машина поравнялась со зданием кинотеатра, девушка попросила:

– Остановите, пожалуйста. Я здесь выйду.

Олег резко затормозил и, глядя в лицо незнакомки, спросил:

– Где же я вас увижу?

Она с минуту поколебалась.

– Знаете что, дайте мне номер вашего телефона. Когда у меня будет свободное время, я вам позвоню и мы условимся о месте встречи. – Она немного помолчала. – Я бы дала вам свой адрес, но тетя переехала к сыну, и приходить туда вряд ли будет удобно.

Олег достал записную книжку, вырвал листок и записал номера служебного и домашнего телефонов.

– Большое вам спасибо, что подвезли. – Незнакомка ласково улыбнулась. – До скорой встречи.

– Но... вы забыли сказать, как вас зовут, – задержал ее руку Олег.

– Лидия... Северинова, – проговорила она, высвобождая руку. Затем кивнула головой и затерялась в толпе.

Олег нажал на стартер. Машина плавно тронулась с места. А Лидия, двигаясь в потоке пешеходов, наконец остановилась у телефонной будки. Она вошла внутрь, достала бумажку и набрала номер.

«Коммутатор завода», – услышала она в трубке. Глаза ее радостно заблестели.

– Соедините, пожалуйста, с шестым цехом, – спокойно попросила Лидия.

«Шестой слушает», – раздался густой бас.

– Кто у телефона?

«Начальник цеха. Вам кого?» – осведомился говоривший.

– Попросите, пожалуйста, Кораллова.

«Он уже окончил работу».

Прикусив нижнюю губу и прищурив глаза, она секунду подумала, затем медленно повесила трубку на рычаг и, довольная, вышла из будки.

Было раннее утро, и Решетов, как обычно, слушал доклад Вергизова за прошедшие сутки.

– Из Узбекистана, – говорил Вергизов, – от Завьялова получено сообщение, что в городе Ката-Курган Ибрагим Каюмов никогда не проживал. По фотографии пострадавшую пока тоже никто не опознал. Сейчас Завьялов в Ташкенте и продолжает поиски.

– Каковы результаты работы группы Потрохова?

– Пока ничего существенного. За последние дни из разных районов Средней Азии прибыло пять человек. Но эти люди вне подозрений.

– Поручите группе Потрохова, – после непродолжительной паузы распорядился Решетов, – проверить прописные листы годичной давности, выявить всех приехавших из Средней Азии, в особенности из Узбекистана, и установить, кто выбыл из города, не оформив выписку в паспортном столе.

– Вы предполагаете, Михаил Николаевич, что... – с полуслова понял майор Решетова.

– Да. Возможно, кто-нибудь на время выехал из рода, не сообщив об этом в паспортный стол. Необходимо получить

на этот счет полную ясность.

– Хорошо. Будет исполнено.

В дверях появился капитан Смирнов.

– Садитесь, капитан, – пригласил Решетов. – Что слышно на ваших объектах?

– Никаких изменений, Михаил Николаевич. На номерном заводе работы идут успешно. Сборка самолета будет закончена в срок. На остальных участках группа продолжает работу, – доложил Смирнов.

– В донесении вы сообщаете о двух новых работниках номерного завода. Что за люди?

– Инженер и слесарь-монтажник. Оба надежные.

Зазвонил телефон. Решетов снял трубку.

– Вас слушают. Да, я. Хорошо, едем.

Вергизов и Смирнов поднялись.

– Звонил секретарь партийного бюро завода Крылов, – пояснил полковник. – Мы с ним условились встретиться на заводе. Вы поедете со мной, товарищ Смирнов.

– Слушаюсь!

Глава VII

Олег был единственным сыном профессора Кораллова. Он хорошо учился, не чуждался и общественной работы.

Мать Олега, тщеславная женщина, мечтала о блестящей карьере для сына. Она охотно снабжала его так называемыми карманными деньгами. Кораллова не видел ничего дурного в том, что сын иногда покутит с компанией друзей, приволокнется за хорошенькой девушкой. Среди студентов Олег слыл душевным, отзывчивым товарищем.

У профессора Кораллова не было оснований тревожиться за сына: парень хорошо учился, о нем отзывались с похвалой. Поэтому профессор, уступая просьбам сына, купил «Победу».

Матери Олега тоже было приятно блеснуть перед женами сослуживцев мужа собственной машиной.

Олег же с компанией знакомых, по большей части случайных, частенько выезжал на машине за город, где в небольшом, но уютном ресторане, вдали от глаз студентов и преподавателей, предавался кутежам. Но даже и здесь Олег вел себя осмотрительно, никогда не напивался допьяна и благополучно возвращался на машине домой.

В последнее время Олег ловил себя на том, что постоянно думает о Лидии. Из головы не выходил тот день когда они познакомились при таких необычных обстоятельствах. Не ли-

шенному тщеславия юноше хотелось поскорей ввести ее в круг своих друзей. Но Лидия как в воду канула.

Когда она наконец позвонила, Олег чуть не подпрыгнул от радости. Истины ради надо сказать, что эту радость вызывало не только желание щегольнуть перед друзьями пикантной знакомой. К Лидии в душе его зарождалось более серьезное чувство. Условились встретиться на том же самом месте, где расстались, – у кинотеатра.

Лидия явилась точно в назначенное время. На ней было скромное, со вкусом сшитое платье, босоножки на высоких каблуках. Светлые волосы, заплетенные в косы, лежали на голове короной. Она выглядела очень молодо и влюбленному Олегу казалась почти девочкой.

Вечер они провели вдвоем. Гуляли по улицам города, ели мороженое, смотрели фильм. Время летело, как на крыльях.

После нескольких встреч Лидия согласилась познакомиться с его друзьями. Компания собралась в загородном ресторане.

Разделяя увеселительные затеи Олега, Лидия все же предпочитала уединение, и Олегу приходилось с этим считаться. Он уже успел крепко привязаться к ней.

Лидия осторожно расспрашивала Олега о его учебе, практике, сослуживцах по заводу. Постепенно из этих разговоров она составила себе представление о заводе и многое узнала о коллективе, Олег особенно восторженно отзывался о конструкторе Степанковском – друге их семьи.

Однажды Олег сказал, что на следующий день они не смогут встретиться, потому что у них на даче собираются гости. Ждут начальника конструкторского бюро Валентина Александровича Степанковского...

Лидия заметно помрачнела; это расстроило, а вместе с тем и обрадовало Олега.

– Мне будет очень скучно одной, Олежка...

В голосе Лидии было столько неподдельной грусти, что Олегу стало жаль ее. И все же было приятно, что именно он является причиной этой грусти.

– Понимаете, Лидочка, – с виноватой улыбкой объяснил Олег, – по установившейся традиции у нас ежегодно к окончанию дачного сезона устраивается званый обед. Собираются родные и друзья. Не явиться просто невозможно!

– Понимаю... – Лидия доверчиво опиралась на его руку. – Но мне так хорошо с вами, что и один вечер без вас кажется целым годом.

– И я постоянно хочу вас видеть, – взволнованно заговорил Олег, – хочу не разлучаться с вами. Я уж и не помню, когда бывал в своей компании. Друзья звонят, упрекают, но меня и не тянет туда. Только вы в моих мыслях. Что со мной делается – сам не пойму.

– Со мной тоже происходит что-то непонятное. – В голосе Лидии послышалась грусть. – У меня никакой компании нет, но я ее и не ищу. – Она замолчала, думая о чем-то своем. – Знаете, Олег, в последнее время мне почему-то постоянно

вас недостает... Веду себя, как девчонка, а ведь я, чего греха таить, старше вас, должна быть посерьезнее...

– Перестаньте, Лидочка, какое значение это имеет? – горячась, прервал ее Олег.

– Так... к слову пришлось, – тихо ответила Лидия о посмотрела Олегу в глаза. – Давайте завтра выберемся на озеро, покатаемся на лодке? Погуляем в парке. Хотите? Ведь скоро зима...

– Очень хочу, Лидочка, но завтра этот обед...

– Ах да, я и забыла. – В голосе Лидии было столько сожаления, что Олег в душе проклинал так некстати пришедший семейный праздник.

Некоторое время они шли молча. Вдруг Олег остановился, схватил Лидию за плечи, закружил ее.

– Меня осенила гениальная идея! – воскликнул он. – Почему бы вам не разделить с нами этот обед? Раз от него нельзя отделаться, пойдете со мной вместе.

– Не говорите глупостей, Олег! Меня никто в вашем доме не знает, не приглашал...

– Я приглашаю. Маме я говорил о нашей дружбе. – Он радостно глядел на Лидию. – Папа добряк и большой любитель женского общества. Что касается гостей, то им и подавно нет дела до того, кого я приглашу. Вы пойдете со мной, и все!

– Честное слово, Олег, вы ребенок! Никуда я не пойду! – уже более мягко проговорила Лидия. – Ну, как можно ни с того ни с сего ввалиться в чужой дом? Это же просто непри-

лично! Незванный гость хуже татарина. Ни за что не пойду!

– Нет, пойдете! Мой дом не чужой для вас, – решительно заявил Олег, – и прошу не упрямитесь. Поймите, мы будем целый день и вечер вместе...

Они остановились около большого каштана, недалеко от дома, где жила Лидия. Опустив глаза и надув губки, она молчала.

– Лидушка, ну, не огорчайте меня. – Олег старался заглянуть ей в глаза. – Увидите, как все будет хорошо!

– Право, Олежка, неудобно как-то... – Она вскинула на него глаза, и в голосе послышались просительные нотки, – Лучше я не пойду, а? Буду весь вечер сидеть дома и думать о вас.

– Перестаньте. Вопрос решен безоговорочно. Ну, Лидочка, выше голову. – Олег взял Лидию за подбородок и заглянул в лицо. Она улыбнулась. – Вот так-то лучше.

– Если уж вы так настаиваете, Олег, то я пойду, но при одном условии...

– Согласен заранее на все условия!

– Я не шучу...

– Выкладывайте ваши условия.

– Одна я с вами не пойду, Олег.

– А с кем же? – удивленно спросил Олег.

– Пригласите еще кого-нибудь из знакомых девушек, ну, скажем, свою сокурсницу. Кого хотите. Иначе я не пойду.

– Довольно странное условие, – озадаченно пробормотал

Олег.

– Олешка... – Лидия ласково взглянула на Олега и чарующе улыбнулась.

– Хорошо, согласен.

Глава VIII

В этот вечер в доме Коралловых царили оживление и веселье. Гостей было много. И несмотря на то, что некоторые из них присутствовали в доме Коралловых впервые, все чувствовали себя непринужденно, свободно. Только Лидия держалась скованно, мало разговаривала и почти ничего не ела. Олег всячески старался развлечь ее, но это ему не удавалось.

– Ничего не ест, – пожаловался Олег Майе, девушке лет двадцати четырех, сидевшей рядом со Степанковским. – Очевидно, мама приготовила невкусно.

– Нет, нет, что вы! Очень вкусно, – укоризненно глядя на Олега, запротестовала Лидия. – Я ем наравне со всеми.

– А вы Майя, тоже плохо едите, – сказал Степанковский, кладя на тарелку Майи большой кусок жаркого.

Краснея от неловкости, Майя попыталась отодвинуть свою тарелку, и мясо упало на скатерть, От этого она еще больше смутилась и покраснела.

– Вот видите, Валентин Александрович, что я по вашей милости натворила! – укоризненно проговорила Майя.

– Право, Майечка, я только хотел поухаживать... Ну, ничего, сейчас мы исправим ошибку.

Не успела Майя опомниться, как перед ней оказалось блюдо с целиком зажаренным поросенком.

Под общий смех Майя поставила блюдо на место и окон-

чательно сконфузилась.

– Вы сегодня просто несносны, Валентин Александрович...

– Ну, вот я вас и обидел, – виновато проговорил Степанковский. – Извините меня...

А на другом конце стола шел свой разговор.

– Что ни говорите, – убеждал Матвеева Юрий Михайлович Кораллов, – а медицина – гуманнейшая из наук. Что может быть благороднее науки, служащей непосредственно человеку?

– Вы правы, Юрий Михайлович. Поэтому я и избрал Ольгу в спутницы жизни, – отшутился Матвеев.

– Это, пожалуй, единственный случай, когда медицина оказалась негуманной, обманув доверчивую девушку, – поглядывая влюбленными глазами на мужа, со смехом проговорила Ольга.

– Я утверждаю, – продолжал Кораллов, – что более благородного труда, чем забота о здоровье и продлении жизни человека, на земле нет и не будет!

– А по-моему, самая интересная работа – это геологоразведка, – запальчиво заговорила сокурсница Олега, Люся. – В любую погоду, подчас даже рискуя жизнью, искать и открывать для человечества нечто новое, отдавать всего себя работе, чувствовать, что ты делаешь нужное людям дело...

– Люся – будущий геолог, – со снисходительной улыбкой пояснил Олег. – Она и во сне видит неразведанные земли, а

себя – их первооткрывателем.

– Весьма похвально, Люся, – вмешался в разговор Степанковский. – Если хватит пороку, не сдавайтесь.

– А я и не думаю. Скорее бы закончить практику и защитить диплом...

– Ты, Люся, всегда куда-то торопишься, – перебил ее Олег. – И я мечтаю о труде как о подвиге, но зачем же так торопиться? Надо пожить и в свое удовольствие, пока молод.

– К хорошему всегда торопиться надо, – внимательно взглянув на Олега, сказала Майя.

– Майя, безусловно, права, – подхватил Степанковский.

– Вот приятное единодушие, – многозначительно глядя на Степанковского, с улыбкой проговорила Ольга.

Олег нагнулся и что-то шепотом сказал Лидии. Она неохотно поднялась и последовала за Олегом в соседнюю комнату. Вскоре оттуда послышались звуки рояля. Играли вальс Чайковского.

А спор между тем разгорался.

– Только труд... Труд и есть счастье для советского человека. Известный английский философ Гоббс писал о человеке как об эгоисте. Он говорил, что человек человеку – волк. Каждый, дескать, стремится уничтожить другого, чтобы очистить место для себя. Такова природа буржуазного общества. У нас же действуют иные законы...

Тихо перебирая клавиши, Лидия прислушивалась к разговору. Постепенно она начала играть громче. Все притихли.

Каскады аккордов нарастали. В них слышался то призыв к борьбе, то смятение души, рвущейся в неведомое. Стремительные порывы сменялись нежной, проникновенной лирикой. И опять буря, опять настойчивое преодоление чего-то трудного. И наконец торжество победы...

– Хорошая музыка, – заговорил Степанковский, когда умолкли звуки рояля, – рождает желание творить... созидать.

– У меня музыка вызывает такое же чувство, – мечтательно сказала Люся.

– Да, друзья, тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет, – вдруг заговорил строками из песни Юрий Михайлович Кораллов, поглаживая свою белоснежную бородку.

Нет на земле такого существа,
Столь жесткого, крутого, адски злого,
Чтоб не смогла хотя на час один
В нем музыка свершить переворота.

– Кто это сказал? – Старый профессор лукаво скопил глаза на Люсю.

– Шекспир, – задумчиво и с каким-то благоговением произнесла Майя. – Как это верно сказано!

– Даже удивительно, что еще есть люди, лишённые дара воспринимать и любить музыку, – серьезно сказал Степанковский.

В соседней комнате вновь зазвучал рояль. Лидия играла вдохновенно. Олег, как зачарованный, смотрел на нее. Постепенно у рояля собрались все. Только Матвеев и Степанковский остались в столовой покурить.

Олег на цыпочках вышел и принес стулья. Стараясь не шуметь, все сели. Лидия словно не замечала никого вокруг. Ее пальцы легко бегали по клавишам. Вот послышались первые аккорды арии мадам Баттерфляй. И вдруг Лидия запела. Гости в изумлении переглянулись.

Матвеев и Степанковский присоединились к обществу. Валентин Александрович подошел к роялю. Лидия подняла на него глаза. Степанковский понимал, что он сейчас во власти музыки, и все-таки сердце его дрогнуло. Когда Лидия кончила петь, раздались дружные рукоплескания. Она, смутившись, выбежала в соседнюю комнату. Олег последовал за ней.

– Кто эта девушка? – спросила Ольга Кораллову.

– Знакомая Олега. Какой дивный голос. Правда?

Степанковский, стоя у рояля, видел в раскрытую дверь соседней комнаты, как Олег горячо упрашивал Лидию спеть еще.

– Ну, скажите вы ей, Валентин Александрович, – обратился он к подошедшему Степанковскому. – Не хочет петь больше. Лидочка, ну, я прошу вас.

Лидия подняла глаза на Степанковского. И опять Валентин Александрович почувствовал, как учащенное забилось

сердце.

– Я вас тоже очень прошу... – проговорил он.

Лидия молча поднялась и, сопровождаемая Степанковским и Олегом, вернулась к роялю.

К всеобщему удовольствию, Лидия спела несколько новых песен и арий из опер. Когда утих восторженный шум похвал, Олег включил радиолу, и начались танцы.

Степанковский не отходил от Лидии. Он как будто не замечал недоуменного взгляда Майи и на все танцы приглашал Лидию.

Растерянный Олег впервые в жизни испытал острое чувство ревности.

Глава IX

За окнами низко проносились тяжелые серые тучи. Одинокое облетевшее дерево гнулось под порывами ветра, озябшие крикливые галки кружили над крышами домов. Все это еще больше усиливало гнетущее настроение, овладевшее Майей.

Она с тоской посмотрела на часы. Стрелки неукоснительно совершали круг за кругом. Близился конец ее смены. А ей так не хотелось уходить домой, где придется остаться наедине со своими мыслями.

Она сложила в стопку истории болезней, убрала все лишнее в ящик стола, открыла сумочку и посмотрела на себя в зеркальце. Под большими грустными глазами залегли тени. Невольно вспомнились слова Ольги: «К такому цвету лица обязательно нужно красить губы».

Как будто краска может снять с ее лица печать тоски... Ольге, наверно, в голову не приходит, что это под силу только любви. Один взгляд Валентина способен вернуть и блеск глаз, и веселый смех, и все, что красило ее жизнь.

Горько улыбнувшись своему отражению, она расчесала длинные волосы, свернула их тугим жгутом и уложила на затылке. Постояв в нерешительности еще немного, надела шляпку, пальто и вышла из комнаты.

Резкий порыв ветра заставил пригнуть голову и ухватить-

ся за шляпку. В воздухе закружились крупные снежинки. Они оседали на крыши домов, автомашины, голые ветки деревьев, мостовые и тротуары. Это был первый, – пожалуй, несколько преждевременный для этих мест – снег.

Вот и зима пришла... Как она любила эту пору! Морозный воздух, скрипевший под ногами ослепительно-белый снег, яркие лучи солнца звали к движению, к радости... Скоро Новый год, традиционный вечер с музыкой, танцами, веселыми рассказами и шутками в тесном уютном кругу семьи Матвеевых.

– Майя Николаевна!

Она вздрогнула от неожиданности и увидела улыбающегося Семена Яковлевича Варшавского за рулем «Победы». Он приглашал ее сесть рядом.

Майя приветливо поздоровалась, но от приглашения отказалась. Улыбка сбежала с уст, когда она увидела, как потускнело красивое лицо Семена Яковлевича. Но что поделаешь, если мысли и сердце занимал другой человек, может, не такой внимательный и не такой красивый, как этот, но очень дорогой сердцу. Невольно подумалось: «Вот уж подлинно, не по хорошу мил, а по милу хорош!»

Майя попрощалась и тут же забыла о Варшавском. Вновь нахлынули мысли, мучительно одолевавшие с того момента, когда она поняла, что полюбила Степанковского. Любовь обрушилась неожиданно, как снежный обвал, и захватила так, что стало трудно дышать, жизнь без Степанковского, без его

глаз, улыбки казалась просто бессмысленной. Странно, что всю пугающую власть этой любви она осознала только тогда, когда появилась та, другая. После двух-трех встреч в доме Коралловых Лидия овладела Валентином целиком, видно, прочно.

Да и сам Степанковский, всегда сдержанный, спокойный, стал каким-то другим. Он преобразился. Появилась изысканность в одежде, предупредительность в обращении с женщинами, чего раньше за ним не наблюдалось.

Майе казалось, что еще немного, и она тут же, на людях, расплечется. И все же, несмотря на всю горечь тоски, несмотря на боль, ни за что на свете не рассталась бы Майя с этой мукой в сердце. Пусть она несчастна в своей любви, но она узнала любовь, пусть, к сожалению, не сладость ее, а муки, но любовь настоящую. А это не каждому дано...

Так думала Майя, идя по шумным улицам родного города. Погруженная в свои мысли, она и не заметила, как подошла к дому, и только тут вспомнила, что обещала зайти к Матвеевым. Отсюда до них уже было далеко, и, пожалуй, к семи не успеть, если не взять такси. Как на грех, машин на стоянке не оказалось. Видно, к Матвеевым сегодня не попасть.

Дома Майя включила плитку, поставила чайник, взяв книгу, прилегла на диван. Но книга оставалась открытой все на одной и той же странице.

Вода уже вскипела, а Майя ничего не замечала.

Резкий стук в дверь заставил ее очнуться. Соскочив с ди-

вана, Майя выключила плитку и, машинально поправляя волосы, открыла дверь.

В комнате запахло морозом и снегом.

– Майка, негодница! – воскликнула Ольга, обнимая подругу. – Я так и знала. Преспокойно лежит на своем диванчике, а мы извелись, ожидая ее. Ведь опаздываем в театр. Даю две минуты на переодевание. Поторопись! – повелительно закончила Ольга.

Владимир Петрович стоял у дверей и с улыбкой наблюдал за женщинами.

– Здравствуйте, Майя, – пожимая ей руку, мягко произнес он.

На его гладко выбритом лице особенно резко выделялся глубокий шрам, проходящий через левую щеку. Шрам придавал лицу суровое выражение, в то время как добрые, слегка выпуклые глаза смотрели на собеседника с ласковой доверчивостью.

– Боже, какая ты копунья, Майка, – вновь накинулась на подругу Ольга. – Мы же опаздываем.

Заметив вопросительный взгляд Майи, она резко повернулась к мужу, и ее голубые глаза сверкнули.

– Отвернись же, Володя! Неужели так трудно сообразить? – притворно сердито прикрикнула она и повернула его лицом к стене.

Майе очень хотелось спросить, приглашен ли Степанковский. За последние несколько лет, да и раньше, когда Майя

не была знакома с ними, Матвеевы и Степанковский все вечера проводили вместе.

Работая в одной больнице, Майя подружилась с Ольгой и ее мужем. Мать Ольги, Вера Андреевна, с ее чуткой душой, отзывчивым характером, стала для Майи родным человеком.

Потеряв всю родню во время войны, Майя дорожила этой искренней дружбой. Здесь, у Матвеевых, она встретила Валентина Александровича Степанковского...

Посещения театра или кино, традиционные встречи праздников без Степанковского не мыслились. А сегодня? Будет ли он с ними?

Но рядом в ложе оказались посторонние люди.

Только в антракте после второго действия она увидела в фойе Степанковского под руку с Лидией. Та была в платье стального цвета с черной отделкой, оттенявшей белизну шеи и рук. Волосы были уложены в замысловатую прическу. Слушая Степанковского, она то и дело заглядывала ему в глаза. А тот так был захвачен разговором, что не замечал никого вокруг.

Как только Майя увидела Степанковского в обществе Лидии, весь интерес к спектаклю у нее пропал. Едва дождав-шись конца, она безвольно дала себя увезти к Матвеевым, у которых обычно ночевала, когда задерживалась поздно в городе.

Вера Андреевна сразу заметила подавленное состояние Майи. Ни о чем не расспрашивая, она заботливо уложила

гостью в свою постель и потушила свет. Поправляя одеяло, Вера Андреевна почувствовала, как плечи Майи дрогнули. Хрупкое тело девушки забилося в рыданиях.

– Успокойся, дитя мое. – Вера Андреевна прижала девушку к груди и тихонько погладила мягкие рассыпавшиеся по плечам волосы. Она поняла, что Майя полюбила.

Лишь перед рассветом, когда в квадраты окон заглянула редееющая синева, Майя уснула, всхлипывая во сне, как ребенок. Вера Андреевна осторожно высвободила руку из-под головы девушки и на цыпочках вышла.

Глава X

Валентина Александровича Степанковского и Владимира Петровича Матвеева связывали дружба и долголетняя совместная работа. На этот завод они пришли почти одновременно, за два года до войны. Первый, несмотря на молодость, – со званием кандидата технических наук, второй – с опытом партийной и хозяйственной работы. За год до начала войны Валентин Александрович защитил докторскую диссертацию, но с завода уйти не захотел. Он считал, что научной работой можно заниматься и в цехах завода. Степанковский был назначен начальником конструкторского бюро, а Матвеев – директором того же завода. Общность интересов и личная симпатия очень сблизили их.

Во время эвакуации жена и маленькая дочь Степанковского погибли.

Узнав о гибели жены и дочери, Валентин Александрович замкнулся в своем горе. Трудно было узнать в нем того жизнерадостного, энергичного, всегда аккуратно одетого человека, каким привыкли видеть Степанковского всегда. С годами он, правда, несколько оттаял, стал больше следить за собой, но, кроме как у Матвеевых и с Матвеевыми, нигде ни с кем не бывал.

Матвеевы искренне желали, чтобы у их друга была своя семья. Но Валентин Александрович так и не женился. Слущ-

ком глубокую боль причинила война. Требовалось время, чтобы зарубцевались раны.

Степанковский питал к Майе теплые чувства, но ему и в голову не приходило, что эта девушка может полюбить его, стать женой. После пережитого он чувствовал себя слишком старым душой рядом с юной, жизнерадостной Майей.

С появлением Лидии дремавшие до сих пор чувства властно заявили о себе. Серьезный, фанатично влюбленный в свое дело инженер, он в последние недели ловил себя на том, что даже во время работы над проектом нового самолета не переставал думать о Лидии.

Хотя проект нового самолета, которому Степанковский отдал долгие годы, уже был готов, тем не менее строительство требовало усилий ума, ясности мысли, творческого поиска. А в последнее время работы над строительством выдвинули ряд задач, решение которых не терпело отлагательства.

Недавно у него состоялся неприятный разговор с директором завода Матвеевым и секретарем партийного бюро Владимиром Николаевичем Крыловым. Валентин Александрович испытал чувство раздражения и недовольства собой.

Крылов, еще молодой человек со светлыми строгими глазами, внимательно глядел на собеседника.

– Чем вы, товарищ Степанковский, объясняете эту потерю ритма? Так мы рискуем затянуть срок пробного вылета.

Его высокий лоб прорезали три глубокие морщины, а ли-

цо хмурилось, когда он выслушивал сбивчивые ответы Степанковского.

Матвеев смотрел на друга недоумевающе. И Валентин Александрович понял, что, в сущности, ему нечего ответить товарищам. С тяжелым чувством он покинул кабинет директора.

Глава XI

Надя Степанковская была на несколько лет моложе брата. Тяжелые годы войны, гибель любимого мужа, с которым она прожила всего полгода, наложили суровый отпечаток на ее лицо с живыми темными глазами, смотревшими чуть насмешливо. Легкие морщинки у глаз делали ее несколько старше своих лет.

С братом они всегда жили дружно. Но после пережитого личного горя и беды, постигшей Валентина, она преисполнилась к нему глубокой нежностью, почти материнской любовью.

Как и Матвеевы, она считала, что Майя – именно тот человек, который способен вернуть брату утраченное счастье.

Увлечение Валентина Лидией вызвало у Нади глубокую обиду за Майю и настороженность по отношению к «пришеллице», как Надя про себя называла Лидию. Однако она тщательно избегала разговора с братом на эту тему. Надя считала, что любовь или увлечение – явление личное и никому не дано право вмешиваться в такие дела.

Однажды в воскресенье Валентин Александрович пригласил Лидию к себе домой и попросил сестру приготовить обед на троих. Надя с увлечением принялась за хозяйственные хлопоты. Сама удивляясь вдруг появившемуся желанию быть в обществе этой женщины, Надя вначале никак не мог-

ла понять, что ею руководило. Только позже догадалась, что это было неосознанное желание узнать Лидию ближе, понять, чем та так пленила брата. И с неожиданным огорчением Надя отметила несомненное обаяние Лидии. Стройная, изящная фигура, выразительное лицо, большие голубые глаза, пышные светлые волосы делали ее необычайно привлекательной. Лидия умела пользоваться своими чарами. Живая, остроумная, очень музыкальная, она полностью завладела душой и мыслями сдержанного Валентина. Надя уже не осуждала брата; трудно было оставаться равнодушным к такой обаятельной женщине.

Где-то в глубине души чувствуя, что это не настоящая любовь, Надя все же отдавала себе отчет в том, что увлечение серьезно и, кто знает, не перерастет ли оно в любовь.

А Лидия все чаще появлялась в их доме. Прямо с работы Степанковский заезжал в проектно-сметное бюро, куда Лидия устроилась на работу. Вместе они приезжали домой и уже не расставались до поздней ночи.

В те редкие вечера, когда Степанковский не виделся с Лидией, он после рабочего дня оставался на заводе, закрывался в своем кабинете и работал до изнеможения, стараясь наверстать упущенное.

...Как много хорошего было создано им в этом кабинете! Сколько оригинальных и смелых мыслей воплотилось в чертежах и эскизах будущего самолета! Но теперь упущенное время безжалостно мстило за себя – Степанковский то

здесь, то там обнаруживал прорехи, которые необходимо было немедленно устранить. И Валентин лишал себя отдыха и до утра, ни на секунду не смыкая глаз, разрабатывал план-задание для своего бюро.

При посещении Степанковского Лидия вела себя крайне осторожно. Она отдавала должное Наде, в ее присутствии подчеркнуто сдержанно относилась к Валентину Александровичу. Надя не замечала ничего такого, что свидетельствовало бы о любви Лидии к брату. И все же по мимолетной улыбке, продолжительному взгляду, устремленному на Валентина, она догадывалась о чувствах Лидии. Зато Валентин не скрывал своей любви; он совершенно преобразался в присутствии Лидии.

Как-то вечером Надя зашла в комнату брата.

– Мне кажется, – с воодушевлением говорил Валентин, – что тот, кто непосредственно своими руками не создает эти машины, – не может познать счастья, которое испытывает автор конструкции нового самолета. В такие минуты я, сугубо земное существо, вдруг чувствую, как вырастают у меня крылья. Каждая новая конструкция самолета – это новый взлет. Желание творить, создавать новые машины становится жизненной необходимостью.

– Да, это действительно интересно, – задумчиво глядя на блестящую крышку пианино, отозвалась Лидия. – Мне как-то даже в голову не приходило, что у людей бывают такие чувства и порывы. Вы знаете, Валентин, мне приходилось

летать, но, сидя в самолете, я не думала, что можно летать еще быстрее. В чем же особенность новой вашей машины?

– Особенности много, – уклончиво ответил Валентин Александрович и, спохватившись, добавил: – Да, собственно, эта сугубо техническая область не представляет интереса для непосвященных.

– Вы правы, вы правы, – так же задумчиво ответила Лидия со странной улыбкой. И тут же невольно вздрогнула, увидев Надю.

Надя достала из шкафа галстуки Валентина и вышла, чтобы прогладить их. В том, что близкий друг брата интересуется его работой, не было ничего удивительного. Тем более, что, судя по всему, Лидия для Валентина была больше, чем друг. И все же какая-то неосознанная тревога закралась в душу Нади.

С тех пор, что бы она ни делала, беспокойство не покидало ее. Надя в который раз мысленно возвращалась к тому вечеру. Почему Лидия вздрогнула, увидев ее, Надю? Теперь это вначале неясное чувство перешло в страх за судьбу брата, за порученное ему дело. Кто она, эта Лидия? Ранее Надя не сомневалась, что Валентин в разговорах с Лидией не касается темы, относящейся к государственной тайне. Но сейчас эта уверенность поколебалась: уж очень изменился Валентин с тех пор, как появилась Лидия. Будучи не в состоянии оставаться в неведении, она решила под строжайшим секретом посоветоваться с секретарем партийной организа-

ции завода Крыловым, которого знала лично.

В квартире Крылова царил веселый предпраздничный беспорядок, который вносил радостное оживление и чувство ожидания чего-то торжественного и значительного. По давней традиции семья Крыловых Новый год встречала у себя дома. Невольно вспомнив известную пословицу о незваном госте, Надя с чувством неловкости сняла пальто и прошла в комнату Крылова, служившую ему кабинетом.

– Присаживайтесь, Надежда Александровна, – радушно встретил ее Крылов. – Вот отведайте Машино изделие. – Он придвинул вазу с печеньем. – Жена у меня большая мастерица. Машенька, сладь нам чайку, – попросил он.

– Спасибо, Владимир Николаевич. – Надя машинально взяла печенье и тут же положила обратно. – Владимир Николаевич, – взволнованно заговорила она. – Я пришла с вами посоветоваться по очень важному вопросу... На мой взгляд, конечно. Я... – Она замолчала, нервно теребя носовой платок.

– Что случилось, Надежда Александровна? – участливо спросил Крылов. От его мягкого тона Надя еще больше разволновалась.

– Только... – с трудом сдерживая дрожь в голосе, заговорила Надя, – только я попрошу вас, чтоб мое посещение и то, что я скажу, осталось между нами.

– Обещаю вам это.

– Хорошо. Скажите, Владимир Николаевич, вы знаете,

кто эта женщина, с которой дружит Валентин последние несколько месяцев?

Крылов внимательно посмотрел на Надю.

– А что случилось, Надежда Александровна?

– Собственно, ничего... Я твердо убеждена, что брат ни с кем, даже с самыми близкими, не будет вести разговоры о секретных работах завода. Но вот в последнее время у них сложились такие отношения, что прежняя уверенность меня оставила. Я... – Она опять замолчала, не находя слов.

– Вы можете, Надежда Александровна, довериться мне. Расскажите, по возможности обстоятельно, что вас взволновало?

– Ну, – неуверенно начала Надя, – Валентин очень увлечен этой женщиной. Надо отдать справедливость – она весьма интересна. Но вот на днях, когда она была у нас, я случайно услышала заданный ею вопрос, относящийся к секретным работам завода... И, хотя Валентин оставил ее вопрос без ответа, меня это сильно беспокоило. Не зря ведь говорят, что любовь слепа. Можно и забыть. А с тех пор как Валентин влюбился, он стал совсем другим, точно его подменили. Я боюсь, как бы он не сказал чего-нибудь лишнего. Что, собственно, знаем мы об этой женщине? Очень вас прошу, Владимир Николаевич, проверьте, кто она. Сделайте это так, чтобы Валентин не заметил. Но непременно сделайте...

С минуту они сидели молча.

– Мне кажется, Надежда Александровна, – осторожно на-

чал Крылов, – что ваши опасения беспочвенны. Валентин Александрович – человек серьезный и никакой оплошности допустить не может.

– Ох, спасибо, Владимир Николаевич. – В ее голосе слышалась радость. – У меня точно гора с плеч свалилась. Значит, и вы убеждены, что Валентин при любых обстоятельствах не способен забытья?

– Да, убежден! – твердо произнес Крылов. – Но... Обещайте и вы, Надежда Александровна, немедленно дать мне знать, если возникнет хоть малейшее подозрение.

– Обещаю, Владимир Николаевич.

– Вот и чудесно! – весело заключил Крылов. – А теперь отобедаете с нами, хотите вы этого или нет.

– Большое спасибо, Владимир Николаевич, я уже обедала.

– Я же сказал, Надежда Александровна, хотите – не хотите, а обедать с нами вам придется!

После встречи с Крыловым Надя несколько успокоилась. Но настороженность не покидала ее.

Лидия все более властно входила в жизнь Степанковских. Теперь она прямо с работы являлась к ним домой, хлопотала по хозяйству. По всему было видно, что она стремится сблизиться с Надей.

Надя обнаружила у Лидии недюжинные познания в кулинарии, вкус и умение все делать своими руками. Теперь Надя несколько иными глазами смотрела на Лидию, та начинала ей нравиться. И если бы не воспоминания о близкой ее

сердцу Майе, Надя бы, пожалуй, утвердилась в мысли, что Лидия рождена для Валентина. А Валентин Александрович, уже никого не стесняясь, открыто заявлял, что Лидия станет его женой. Надя с болью слушала брата, но напомнить о Майе не решалась.

Входить в свою комнату Валентин Александрович никому не разрешал. Только ради Лидии поступился он этим правилом.

Как-то Лидия села за пианино, и комната наполнилась чудесными звуками вальса из «Лебединого озера». Их сменили мелодии Глинки, Глазунова, Бетховена. Прежде она не соглашалась играть, хотя Валентин Александрович упрашивал ее. Надя слушала, как зачарованная.

И вдруг Лидия запела. Надя впервые слышала ее великолепный голос. Когда зазвучала трогательная ария Баттерфляй, она не удержалась и вошла в комнату брата. Тот слушал, не спуская с Лидии влюбленных глаз. Надолго запомнилось Наде лицо Лидии. На нем можно было прочесть меланхолическую грусть, навеянную арией. Но в голубых глазах, когда они останавливались на Валентине, появлялся странный холодный блеск.

Телефонный звонок заставил Надю отлучиться в соседнюю комнату. Звонили из бюро завода. Срочно вызывали Валентина. С виноватым и недовольным лицом покинул он Лидию, пообещав скоро вернуться. Лидия еще некоторое время продолжала играть. Потом все затихло.

Занимаясь уборкой, Надя в полуоткрытую дверь увидела Лидию. В какой-то неестественной позе, нагнувшись над столом, Лидия что-то разглядывала. Одну руку она держала в кармане жакетки, другой прижимала брошь на груди. Когда Надя вошла в комнату, Лидия резко выпрямилась. На столе покачивался лист ватмана, свернутый в трубку. Лидия взяла сигарету и спокойно закурила.

– Как вы думаете, Надя... – Ее голос звучал ровно. – Долго ли может задержаться Валентин?

– Право, не знаю. – Надя еле сдерживала охватившее ее волнение. – Он просил, чтобы вы не уходили.

– Я и не собираюсь уходить. Но только скучно одной. Верно говорит пословица: ждать да догонять – хуже нет. Может, вам помочь в чем-нибудь?

– Нет, нет, спасибо, – поспешно проговорила Надя. – Я уже со всем управилась. Вот, пожалуй, поменяю воду... – Надя взяла вазу с хризантемами и с сильно бьющимся сердцем вышла из комнаты.

Она не переставала думать об увиденном. Что могло быть на ватмане, почему он так заинтересовал Лидию? Зачем ей понадобилось в такой странной позе склоняться над столом? А вдруг она... фотографировала? Надя слышала о существовании микрофотоаппаратов, вмонтированных в обыкновенную пуговицу или брошь. От этой мысли похолодело в груди, а по спине побежали мурашки...

Вечером, оставшись наедине с братом, она заговорила с

ним, будучи не в силах больше таить в душе страшное подозрение. Но Валентин возмутился и заявил, что все это ей мерещится, что в его комнате нет ничего такого, что могло бы интересовать кого-либо, тем более Лидию. Сколько-нибудь ценные материалы он домой не берет. И вообще дома он разрешает себе выполнять лишь ту работу, которая никакой государственной тайны не представляет. Кажется, сестре это известно.

– Могу согласиться, – взволнованно сказала Надя, – что там нет секретных документов. И все-таки ты не должен допускать постороннего человека в свою рабочую комнату. Ты просто не имеешь права здесь говорить о работе завода... – закончила она звенящим от волнения голосом.

– Ничего секретного я ей не рассказывал. А потом... потом Лидия для нас не посторонний человек! – запальчиво воскликнул Валентин.

– Для кого это – для нас?

– По крайней мере, мне она близкий человек.

– А Майя?

– При чем здесь Майя? – растерялся Степанковский.

– Ну, если ты задаешь такие вопросы, то мне говорить больше не о чем. Хочу лишь напомнить, что твоя работа – не личное дело.

– Я уже объяснил тебе, что никаких секретов не разглашаю...

– Но ведь я сама слышала, Валя, о чем вы говорили, –

тихо, но твердо сказала Надя. – Не думаю, что ты имеешь право...

– Ну, это уж мое дело, что я вправе и чего не вправе делать, – грубо оборвал он сестру и хлопнул дверью.

До этого между ними никогда не случалось размолвок. Тем большее отозвалась в сердце Нади грубость брата. В их отношениях появилась внешне не заметная, но глубокая трещина.

* * *

Гнетущее чувство овладело Надей. Надо что-то делать, предпринимать, но что? Она обещала Крылову, что в случае необходимости обратится к нему. Так Надя и сделала. Но Крылова ни дома, ни на работе не оказалось. Проходила городская партийная конференция, а он был делегатом от парторганизации завода. В течение двух дней Крылов будет занят с раннего утра до позднего вечера.

Оставался единственный человек, с которым Надя могла поговорить обо всем, – Майя. А она уже давно у них не показывалась. Условившись по телефону о встрече, Надя вышла из дому задолго до назначенного срока и, несмотря на сильный мороз, терпеливо ожидала Майю. И все же, когда та появилась, Надя вздрогнула от неожиданности. Майя поздоровалась с печальной улыбкой. Догадываясь о причинах невеселого вида подруги, Надя обхватила ее за талию и, лас-

ково заглядывая в глаза, спросила:

– Ты здорова?

– Да, – кивнула Майя. – А ты? Почему ты вся дрожишь?

– Я замерзла, и вообще меня немного знобит. Но это пройдет. Знаешь, Майя, зачем я тебя позвала?

...Когда Надя закончила свой взволнованный рассказ, Майя долго молчала.

– Я думаю, – наконец заговорила она, – что тебе непременно следует поговорить с Владимиром Петровичем. Он большой друг Валентина Александровича и поможет разобраться во всем. К тому же в случае чего неприятности грозят не только Валентину Александровичу, но и Владимиру Петровичу. Ну, а самое главное, конечно, завод. Я знаю, тяжело тебе, но... Надо смотреть правде в глаза...

– Нет, нет, не говори так! – умоляюще прервала Надя. – Посвящать в свои сомнения еще и Матвеева я просто не могу. Достаточно, что об этом знает Крылов. А потом... мне страшно за Валентина. Поверь, что, если бы это касалось меня, я бы ни с чем не посчиталась... Но Валентин после всех переживаний...

Не обращая внимания па прохожих, она заплакала.

Так и не договорившись ни о чем, они расстались, условившись встретиться на следующий день, чтобы решить окончательно как поступить.

Но на второй день Надя не смогла прийти. Она слегла в постель с высокой температурой. Врач определил воспали-

ние легких, и ее тотчас отправили в больницу.

Глава XII

Забившись в угол дивана, Майя с устремленными в одну точку глазами обдумывала сложившееся положение. Если бы не болезнь Нади, она поступила бы решительно и твердо, убедила бы подругу поговорить с Матвеевым. Наконец, с разрешения Нади, она взяла бы это на себя. Но тяжелое состояние Нади не позволяло говорить с ней о таком деле, а действовать самостоятельно Майя не решалась. Она считала, что ей такого права не дано.

Вместе с тем она понимала, что поступает неправильно, что обязана забить тревогу, причем немедленно. Ведь каждый час молчания может грозить несчастьем многим людям, и в первую очередь ему, Валентину, если опасения Нади верны.

С другой стороны, Матвеевы, догадываясь о ее любви к Степанковскому, чего доброго, подумают, что ее поступок вызван ревностью, завистью или бог весть еще чем.

Как же быть? Не поговорить ли с Верой Андреевной? Она искренне любит Майю и верит ей. Да, безусловно, это выход. Как она не подумала о Вере Андреевне раньше? Майя вскочила, намереваясь тотчас же идти к Матвеевым, но, взглянув на часы, поняла, что уже слишком поздно. Придется ждать до завтра. Кстати, завтра она приглашена к Матвеевым на встречу Нового года. Правда, не совсем удобно в празднич-

ный вечер говорить о таких делах, но ничего не поделаешь...

* * *

Часы пробили двенадцать. В ту же минуту в кабинет Решетова вошли Вергизов, Смирнов и Потрохов.

– Приступим к делу. Докладывайте, товарищ Смирнов, – пригласил полковник.

– Сборка самолета в основном закончена. Наша группа проводит работу по намеченному плану.

– Когда пробный полет? – Решетов сделал какую-то пометку в блокноте.

– Четвертого января, в шестнадцать часов. Матвеев и Крылов заверяют, что все будет готово к сроку.

– С сегодняшнего дня переведите группу на готовность номер один. В таком положении находиться вплоть до полета...

– Ясно, Михаил Николаевич, – проговорил Смирнов. – Должен поставить вас в известность, что Степанковский настоял на личном участии в пробном полете. Директор и партийный комитет возражали. Но министерство дало согласие.

– Вообще-то конструкторы редко участвуют в подобных рейсах. А какие мотивы у Степанковского?

– Он хочет лично наблюдать за поведением самолета и приборов в воздухе. По его мнению, это даст ему возможность в максимально короткие сроки устранить обнаружен-

ные недостатки, а главное, поискать пути усовершенствований конструкции самолета.

– Я считаю, – заговорил Вергизов, – что самолет должен сопровождать работник Комитета. Это тем более необходимо, что летит сам конструктор.

– Вы правы. В рейс отправитесь вы, Василий Кузьмич. Свяжитесь с Матвеевым и Крыловым и постарайтесь быстрее закончить все формальности: времени до отлета остается немного.

– Будет сделано, Михаил Николаевич.

– В назначенные часы информируйте меня, товарищ Смирнов, о положении дел.

– Есть! Разрешите быть свободным?

– Да. Так что же вы обнаружили, товарищ младший лейтенант? – обратился Решетов к Потрохову.

– Как вы знаете, я предпринял дополнительную проверку прописавшихся в городе за последний год. Заслуживает внимания гражданка, прописанная восемь месяцев тому назад в пятом отделении милиции.

– Восемь месяцев?

– Так точно!

– Продолжайте, товарищ младший лейтенант!

– По прибытию из Самарканда она проживала по этому адресу пять месяцев и девять дней, после чего, не выписавшись, временно отбыла в Самарканд. Мотивы отъезда, по словам хозяйки квартиры, семейные. Однако до сих пор жен-

щина не возвратилась.

– Запрашивали Самарканд? – не сводя внимательного взгляда с Потрохова, спросил Решетов.

– Да. Городской отдел милиции сообщает, что в Самарканде такая не обнаружена.

– Фамилия этой женщины?

– Северинова Лидия Владимировна.

– Вы говорите, Северинова? – переспросил Решетов и переглянулся с Вергизовым. – Эту фамилию нам вчера назвал Крылов.

– Совершенно верно, Михаил Николаевич, – подтвердил Вергизов. – Именно эту фамилию назвал Крылов, говоря о невесте Степанковского.

– Что вами предпринято? – спросил Решетов.

– Отдел занимается выяснением личности этой особы...

Решетов нажал кнопку звонка.

В кабинет вошел дежурный.

– Костричкина ко мне! – приказал полковник.

– Есть! – Дежурный повернулся и исчез за дверью.

* * *

Оттепель вдруг сменила вьюга с сильными морозами. Как бы отдавая дань последнему дню старого года, с неба, не переставая, сыпался колючий мелкий снег. К вечеру ветер внезапно утих, снег празднично искрился и скрипел под нога-

ми. Но как ни хорошо в такую погоду гулять, на улицах пешеходов становилось все меньше и меньше. Люди спешили в теплые квартиры, чтобы вместе с близкими и друзьями у нарядных елок встретить Новый год.

В этот праздничный вечер только Костричкин, казалось, никуда не торопился. Подняв воротник демисезонного пальто и чуть сдвинув шляпу набекрень, он с беспечным видом шел по тротуару и разглядывал ярко освещенные витрины магазинов. Впереди, в нескольких шагах от него, шли Лидия и Степанковский. У кондитерского магазина они остановились, очевидно о чем-то советуясь, затем Лидия взяла Степанковского под руку и распахнула дверь.

Костричкин с тем же скучающим видом направился вслед за ними.

– Не упрямясь, Валя, – горячо говорила Лидия. – Обязательно нужно взять торт. Даже на обычные вечера не приходят с пустыми руками, а уж на новогодний...

– Но право же, Лидочка, у Матвеевых это не принято, – заметно сдаваясь, говорил Степанковский. – Лучше купим цветы...

– Прекрасно, купим и цветы, – весело заявила Лидия. – Одно другому не мешает.

Они выбрали торт и покинули магазин. Костричкин, как тень, следовал за ними. Держа пакеты в одной руке, другой Степанковский бережно поддерживал Лидию. В цветочком магазине они купили большой букет хризантем.

– Лидочка, мы опоздаем, – забеспокоился Степанковский, взглянув на часы. – Ведь еще нужно переодеться.

– Возьмем такси, и все успеется. Пошли быстрее к стоянке.

На стоянке ни одной машины не оказалось. Несколько человек, подняв воротники и нахлобучив шляпы, стояли в ожидании. Лидия и Степанковский заняли очередь. Время от времени подъезжали такси, и народу становилось все меньше. Дошла очередь и до Степанковского. Открыв дверцу, он помог сесть Лидии, сел сам – и машина укатила.

Костричкин отметил про себя номер такси: «МО 24–24» и покинул очередь. Спустя минуту к нему подъехал на мотоцикле Корнилов. Не выключая мотора, молча передал Костричкину мотоцикл, и тот помчался вслед за такси.

У большого каштана, неподалеку от квартиры Лидии, такси остановилось. Степанковский выпрыгнул на тротуар и помог выйти Лидии.

– Через час я буду готова, – сказала Лидия. – Не задерживайся и ты, Валя.

– Может быть, отпустим такси? – Степанковский взял ее руки в свои и заглянул в глаза. – Погуляем с полчаса?

– Сумасшедший! – Лидия нежно улыбнулась и отняла руки. – До встречи Нового года осталось два часа, а он надумал гулять. Какое легкомыслие! Сейчас же садись и поезжай домой!

Степанковский покорно полез в машину и захлопнул

дверцу.

– Возвращайся скорей! – прижимая пальцы к боковому стеклу, прокричала Лидия, идя рядом с «Победой». – Может, успеем еще и погулять.

Степанковский кивнул, и машина набрала скорость.

Стоявший в тени противоположного дома Костричкин вскочил на мотоцикл. Не выпуская из виду «Победу», он подъехал к стоявшему на перекрестке регулировщику. Предъявил удостоверение и распорядился:

– Сообщите регулировщику на Свечной, чтобы следовал за мной немедленно.

– Будет исполнено, – ответил регулировщик, возвращая удостоверение.

На Свечной, как было условлено, регулировщик с железом в руке на ходу вскочил на заднее сиденье мотоцикла Костричкина, и уже вдвоем они продолжали следовать за такси «МО 24–24». Около дома Степанковского такси остановилось. Пассажир рассчитался и прошел в калитку.

Шофер погасил лампочку и направился к перекрестку. Костричкин догнал машину. Регулировщик сделал знак шоферу остановиться.

– Что прикажете, товарищ старшина? – шофер открыл дверцу.

– Следуйте в ГАИ, – пересаживаясь в машину, коротко приказал регулировщик.

– За что, товарищ старшина? – удивился шофер.

– Там узнаете, – последовал уклончивый ответ.

В ГАИ Костричкин подождал, покуда старшина скрылся за дверь, передал дежурному милиционеру инспекции мотоцикл, сел за руль такси и на большой скорости погнал машину по уже опустевшим улицам.

У здания Комитета Костричкин сбавил скорость и подкатил к гаражу. Он прошел в помещение. Там снял телефонную трубку, набрал номер.

– Линяев? Я Костричкин. Жду в гараже. Необходим механик гаража. Да. Добро, жду!

Спустя минут пятнадцать прибыл механик, снял боковое стекло, не касаясь пальцами плоскости, и передал его Линяеву.

– Снято без прикосновения, так сказать, в девственном виде, – улыбнулся механик.

– Ну как? – нетерпеливо спросил Костричкин Линяева, который держал стекло на уровне глаз, поближе к лампочке.

– Оттиски пальцев видны отчетливо.

– Полковнику доложи сам, – бросил на ходу Костричкин, направляясь к выходу. – У меня времени в обрез.

– Новый год подгоняет? – понимающе улыбнулся Линяев.

– Да! Тороплюсь встречать в обнимку с Дедом Морозом, – отшутился Костричкин. – Ну, счастливо тебе встретить...

– Спасибо. Будь здоров. – Бережно держа стекло, Линяев направился к себе.

Обширная квартира Матвеевых вся была залита электрическим светом. Гости оживленно разговаривали. Ольга перебирала пластинки, а Олег Кораллов настраивал приемник на Москву.

У рояля Лидия тихонько наигрывала какое-то танго, изредка поглядывала на Степанковского.

В соседней комнате Владимир Петрович, щуря глаза, придирчиво оглядывал сиявший белоснежной скатертью и хрусталем праздничный стол, уставленный разнообразными закусками. Он то и дело обращался к хлопотавшей без устали Майе и помогавшему ей Варшавскому.

Среди гостей выделялся своей белой бородой профессор Кораллов.

Не было в зале только Веры Андреевны. По установившейся традиции, она выходила к гостям за несколько минут до того, как московский диктор провозглашал тост за счастье в наступающем Новом году. Всегда хлопотливая хозяйка, она никогда не принимала участия в подготовке к встрече Нового года и весь день находилась в своей комнате.

Как-то Владимир Петрович в канун Нового года вошел в ее комнату. Вера Андреевна неподвижно стояла у стола. Плечи ее вздрагивали. Матвеев испугался и бросился к матери. Она порывисто обернулась, пряча какую-то карточку в

стол и так укориженно посмотрела на вошедшего, что тот смущенно попятился. Больше в предновогодний день никто беспокоить ее не решался.

Догадываясь, что у матери этот день связан с какими-то тяжелыми воспоминаниями, дети никогда ни о чем ее не спрашивали.

Незадолго до полуночи из своей комнаты вышла, приветливо улыбаясь, Вера Андреевна, высокая, по-молодому стройная, с пышной прической сильно поседевших волос. Ольга бросилась ей навстречу, обняла и крепко расцеловала.

– Мамочка! Поздравляю тебя с наступающим Новым годом!

– Спасибо, доченька!

– От всего сердца поздравляю вас, Вера Андреевна, с наступающим Новым годом, – пожимая обеими руками и целуя ее руку, почтительно произнес Кораллов. – Пусть Новый год будет для вашей семьи годом здоровья и счастья!

– Спасибо, Юрий Михайлович. Желаю вашей семье здоровья, а вам, кроме того, успехов в ваших трудах.

– Рад вас видеть в полном здравии, – протиснулся к Вере Андреевне Степанковский. – Разрешите и мне пожелать вам в новом году быть такой же здоровой, как сейчас.

– Благодарю, Валентин. И тебе желаю самого лучшего и в личной жизни, и в делах.

– Спасибо, Вера Андреевна. Знакомьтесь, пожалуйста, – Лидия Владимировна Северинова.

Здороваясь с Лидией, Вера Андреевна пристально взглянула ей в лицо, и Майе, с интересом наблюдавшей за ними, показалось, что в глазах Веры Андреевны мелькнуло какое-то недоумение. Но оно было так мимолетно, что Майя потом не могла поручиться, что ей не померещилось это. А Вера Андреевна, придерживав руку новой знакомой медленно произнесла:

– Очень рада с вами познакомиться и пожелать вам, дорогая, самого большого счастья.

– Спасибо, Вера Андреевна, – проникновенно сказала Лидия, – Валентин мне так много хорошего говорил о вас. А вы именно такая, какой я вас себе представляла. Я рада и вам желаю всего самого лучшего.

– Валентин в нашей семье все равно что родной, – тепло взглянула на Степанковского Вера Андреевна. – Верю, что и вы станете для нас близким человеком.

– Буду счастлива заслужить вашу дружбу, – Лидия поклонилась.

– Прошу всех к столу, – пригласила Вера Андреевна. – Юрий Михайлович, слишком далеко от меня не устраивайтесь, все равно вам не удастся уйти от моей опеки, – указывая глазами на графин, добавила она.

– Покоряюсь, Вера Андреевна, – прижимая руку к сердцу, весело ответил Кораллов.

– Товарищи! Внимание, Москва! – громко провозгласил Олег.

– Дорогие товарищи, – раздался в наступившей тишине голос диктора. – Осталось две минуты до наступления Нового года. Уходит старый год. Год великих побед советского народа. Ему на смену спешит год грядущий. Уверенной поступью входит он в наш дом. С наступающим Новым годом, дорогие друзья!

Все подняли бокалы. Шампанское заискрилось в ярком свете люстры. Раздались первые удары кремлевских курантов.

* * *

Из репродуктора-колокола, установленного в большом зале клуба Комитета госбезопасности, послышался бой часов Кремлевской башни.

По всей длине зала выстроились празднично сервированные столики. С бокалами, наполненными шампанским, поднялись мужчины и женщины.

Бой часов заглушили голоса:

– С Новым годом! С новым счастьем!

– За мир! За дружбу!

В зал хлынули звуки вальса. Закружились пары. Лавируя среди танцующих, к столику, за которым сидел капитан Смирнов с семьей, пробирался дежурный Комитета.

Смирнов извинился перед гостями и вышел.

– Товарищ капитан, – уже в коридоре тихо доложил де-

журный, – вас вызывают к полковнику.

Смирнов кивнул и поспешил к Решетову.

Но в кабинете он застал только Вергизова и Потрохова.

– Где полковник? – обратился к Вергизову Смирнов.

– В научно-исследовательском отделе. Да вот, кажется, он возвращается.

И действительно, в дверях показался Решетов.

Он приветливо поздоровался с офицерами и поздравил их с Новым годом.

Полковник прошел к столу.

– Получено донесение от Завьялова, – сказал он, подняв на офицеров усталые глаза. – Капитан сообщил, что обнаруженный им в Ташкентской области Ибрагим Каюмов опознал снятую на фотокарточке женщину и подтвердил, что именно ей подарил снимок. Это – Северинова Лидия Владимировна. Мнимая «невеста» конструктора Степанковского выступает под той же фамилией. В результате сличения оттисков пальцев, оставленных шпионом на осколке вагонного стекла, и оттисков пальцев «невесты» Степанковского на стекле такси «МО 24–24», установлено, что сбежавший шпион и «невеста» Степанковского – одно и то же лицо. Сейчас она у Матвеевых встречает Новый год. Однако арестовать ее в данный момент – преждевременно. Действует она, разумеется, не одна. Чтобы выявить ее сообщников и раскрыть их планы, необходимо оставить у диверсантки полную иллюзию безопасности. Тем временем нам предстоит осущест-

ствить следующее...

Решетов отдернул шторку, прикрывавшую карту, и жестом пригласил офицеров...

* * *

Был поднят уже не один тост и сказано много такого, что очень смешило и веселило собравшихся, когда жизнерадостная, неугомонная Ольга, не без труда выбравшись из-за стола, объявила «дамский» вальс.

Под звуки музыки женщины стали приглашать мужчин к танцу.

Майя, с тоской чувствуя на себе выжидающий взгляд Варшавского, старалась не выдавать своего волнения. Ей очень хотелось пригласить Валентина, но ее словно сковало что-то. От взгляда Майи не ускользнуло, как Лидия порывисто встала и ушла в соседнюю комнату. Через мгновение она возвратилась с оголенными плечами. На точеной шее искрилась золотая цепочка и тонкой работы медальон.

Оглядев блестящими глазами окружающих, она с нежной улыбкой пригласила Владимира Петровича. Ольга уже кружилась с Варшавским.

Майя наконец решилась. Лавируя среди танцующих, она подошла к Валентину. Степанковский смущенно улыбнулся: ему невольно вспомнился разговор с сестрой. Он осторожно закружил Майю, вначале искоса, затем, не стесняясь, ласко-

во посмотрел ей в глаза и вдруг тихо спросил:

– Почему вы избегаете меня, Майя? Я вас чем-нибудь обидел?

Майя подняла на него большие, полные слез глаза. Смущенные, сильно взволнованные, невольно оба остановились, и она опустилась на первый попавшийся стул.

А Валентином сразу же завладела Лидия и уже не отпустила весь вечер.

Один танец сменялся другим. В веселой суматохе никто не заметил, как сильно побледнела Вера Андреевна, когда появилась Лидия с оголенными плечами; схватившись за сердце, она прошла в соседнюю комнату, опустилась на диван и не спускала с Лидии лихорадочного взгляда.

Когда все снова сели за стол, Вера Андреевна усадила Лидию рядом, была к ней очень внимательна. Никого не удивило, что Лидия очень понравилась Вере Андреевне.

Когда Лидия села за рояль и запела, все замерли, наслаждаясь ее чудесным голосом.

– Друзья! – воскликнул Олег. – Сейчас Лидия Владимировна исполнит свою любимую песню. Внимание!

Это оказался редко исполняемый, почти забытый старинный русский романс.

При первых же аккордах Вера Андреевна побледнела: Лидия пела ее любимый романс. Какое совпадение!

Улучив момент, когда Варшавский сел за рояль, а Лидия вышла в соседнюю комнату, чтобы передохнуть, Вера Ан-

древна отправилась вслед за ней, обняла и усадила рядом с собой.

– Вы издалека приехали, Лидия?

– Из Средней Азии.

– А где вы там живете?

– В Самарканде.

– Исторический город. Там погребен Тимур!

– Да... да, кажется, – неуверенно произнесла Лидия.

– Ваши родители здесь или в Самарканде?

– У меня нет родителей, – сказала Лидия и, стараясь переменить тему, заговорила о том, как ей нравится здесь.

– С каким чувством пели вы эту вещь! От кого вы услышали ее?

– От отца, – не сразу ответила Лидия. Улыбка вдруг сбегала с ее уст. – Он сказал мне, что этот романс очень любила моя мать...

Вера Андреевна хотела еще о чем-то спросить, но заметила приближающегося Олега.

– Вот идет очередной похититель, – погрозила она пальцем. – Минуты поговорить не дадут! Не отпущу, там достаточно дам и без Лидии.

Но Олег не отстал, пока не увел Лидию танцевать.

Вера Андреевна глубоко задумалась и не заметила, как рядом присела Майя. Она неподвижно смотрела перед собой в одну точку. Майя почувствовала, что сейчас не время говорить о деле. В это время в дверях показалась возбужденная

от танцев Лидия.

Майя, будучи не в силах встречаться с ней, встала и вышла.

Вера Андреевна возобновила прерванную беседу. Желая еще больше расположить к себе Веру Андреевну, Лидия нарисовала грустную картину своего детства.

...Мать рано умерла, и она ее не помнит. Отец женился вторично. Мачеха невзлюбила падчерицу, придиралась по всякому поводу. Материнской ласки Лидия никогда не испытывала. А вскоре лишилась и отца...

– Знаете, Вера Андреевна, мне кажется, что, не узнав ласки матери, я лишилась... вернее, у меня украли самое дорогое в жизни. Как я завидую тем, кому выпало счастье чувствовать материнскую любовь!

И, заметив, как слезы затуманили глаза пожилой женщины, Лидия прильнула к ней. Тут Вера Андреевна не выдержала и осыпала Лидию поцелуями. Лаская ее лицо, Вера Андреевна убрала со лба прядь волос. Чуть выше правого виска чернело родимое пятнышко величиной с горошинку. Оно ярко выделялось на белой коже. Остановившимися глазами смотрела Вера Андреевна на родинку. Затем, обхватив Лидию за плечи, прижала ее к себе и судорожно зарыдала.

* * *

Домочадцы и друзья Веры Андреевны знали ее как жен-

щину стойкую, энергичную, не знающую уныния. Ей приписывали сильную волю, ясный ум и твердое, но отзывчивое сердце. И это на самом деле было так.

Будучи еще совсем молодой, Вера Андреевна в бурные дни Гражданской войны с маленькой дочкой на руках сумела найти в себе силы порвать с прежней обеспеченной, но постылой жизнью в семье нелюбимого мужа – белогвардейского офицера – и стать плечом к плечу с людьми, борющимися за новую жизнь.

В те трудные годы голода, холода и разрухи она в потертой телогрейке, в дырявых, перевязанных бечевкой сапогах, но с гордо поднятой головой твердо шагала по дорогам войны, отстаивая интересы своего народа.

В ее волосах рано появилась первая проседь, а на лбу залегла упрямая складка.

Оставленный на попечение старой тетки, зарабатывавшей себе на пропитание стиркой, ребенок жил, окруженный заботой и вниманием.

Несчастье обрушилось на Веру Андреевну со стороны, откуда она меньше всего ожидала. В один из суровых дней зимы, в канун 1922 года, в дом беззащитной старухи-тетки ворвался Белгородов и силой увез девочку.

С тех пор прошла четверть века, но рана в сердце Веры Андреевны не заживала. Рождение второго ребенка не ослабило боль утраты. Не раз глубокой ночью просыпалась она от душивших ее кошмаров. Ей мерещились протянутые ру-

чонки одетой в лохмотья, просящей милостыню дочурки...

Ее постоянно мучала мысль, что она виновница страданий своего ребенка, что не уберегла его.

Потом Вера Андреевна узнала, что Белгородов эмигрировал. Так была потеряна последняя надежда узнать что-нибудь о дочери. Все поиски, в которых деятельное участие принимал ее второй муж Иван Сергеевич Панюшкин, ни к чему не привели. Дочь исчезла бесследно.

Появление Лидии на новогоднем вечере вначале вызвало в Вере Андреевне вполне понятный интерес. Голубые глаза и светлые волосы, так напоминавшие ее самое в молодости, могли быть случайным совпадением. Но когда Вера Андреевна обнаружила родимое пятно, она едва не лишилась чувств. Сомнений быть не могло – это ее дочь!

Сколько перенесено страданий, сколько пролито слез... И вдруг свершилось чудо. Ее дочь, долгожданная, без нее выросшая, со своими вкусами и взглядами на жизнь, со своими стремлениями, интересами, но все равно ее дочь – нашлась, и теперь здесь, рядом!..

Вера Андреевна еще раз судорожно прижала Лидию к сердцу, порывисто встала и счастливыми глазами обвела гостей.

– Это моя дочь, моя пропавшая девочка, – прерывающимся голосом заговорила она. – Долгих двадцать пять лет я ждала, искала ее, и вот... она! – Вера Андреевна вдруг покачнулась. Владимир Петрович подхватил ее и усадил в кресло.

Удивлению присутствующих не было границ, но больше всех была изумлена сама Лидия.

Когда Вера Андреевна рассказала, при каких обстоятельствах была похищена девочка, Лидии окончательно стало ясно: перед ней ее родная мать. Никогда не знавшая дочерней любви, Лидия не испытала радости. Наоборот, ее охватило смятение. Более неожиданного и опасного для нее положения она и представить не могла. Как же быть? Долго размышлять нельзя, не вызывая подозрений. Со слезами на глазах она бросилась в объятия Веры Андреевны.

– Моя дорогая мамочка... мама. – В упоении, словно наслаждаясь этим словом, повторяла она.

Когда прошло первое оцепенение, гости задвигались. Теперь уже все находили поразительное сходство Лидии с Верой Андреевной и удивлялись, как этого никто не замечал раньше.

Все были очень взволнованы и от души радовались обретенному матерью и дочерью счастью.

Майя стояла в стороне и не принимала участия в общем разговоре. С замирающим сердцем думала, как могла она заподозрить Лидию в преступных намерениях. Страшное чувство вины подавило ее. Девушка не могла больше оставаться здесь. Воспользовавшись общим возбуждением, Майя ушла вместе с Варшавским.

Глава XIII

Небольшую уютную комнату Веры Андреевны освещал мягкий свет, падавший из-под голубого абажура. Стол, стулья, гардероб, маленький столик с радиоприемником тонули в полумраке. Приятное тепло, исходившее от изразцовой печи, и тихие звуки музыки дополняли уют.

Когда оркестр смолкал, из-за окон доносились порывы ветра и шорох снежных крупинок о стекла, прихотливо разрисованные морозом.

Вера Андреевна зябко поежилась, кутаясь в теплый платок. Перед ней лежала раскрытая книга, но она думала о Лидии.

Дочь быстро обжилась в новой обстановке, в доме.

Правда, несколько сложными оказались взаимоотношения Лидии с Ольгой. Не то чтобы Ольга сторонилась ее. Нет. Но Вера Андреевна по незаметным, казалось бы, мелочам видела, что пока сестрами они себя не чувствуют. Что ж, это, пожалуй, можно понять. Девочки просто еще не привыкли друг к другу. Со временем все постепенно станет на свое место.

Гораздо больше беспокоили Веру Андреевну собственные отношения с Ольгой, сложившиеся после появления Лидии, о существовании которой младшая дочь до сих пор и не подзревала. Отец Ольги, Иван Сергеевич Панюшкин, глубоко-

ко любил жену и дочь. Ольга не знала, что ее мать замужем вторым браком. Да и к чему было ей знать это? Первая дочь Веры Андреевны была безвозвратно потеряна. Ну а о Белгородове Ольге и вовсе говорить было не к чему. Возможно, именно потому Ольга и «не сходилась» быстро с Лидией, что не была подготовлена к мысли о существовании сестры.

Как бы там ни было, а какая-то тень отчужденности, возникшая в отношении Ольги к матери, очень огорчала Веру Андреевну. Но чувство это растворялось в радости: обе ее дочери – рядом.

После бурных, потрясших все ее существо переживаний, для Веры Андреевны наступили дни душевного равновесия и покоя. То, что ее ребенок обрел наконец родительский кров, любящую семью, наполняло Веру Андреевну живой силой, делало ее моложе, украшало жизнь. Казалось, только теперь она познала настоящее, полное счастье. Прислушиваясь к малейшему движению дочери за стеной, она несколько раз за ночь порывалась сойти с постели, чтобы взглянуть на свою девочку, убедиться, что это счастье – не сон.

Утром она посмеивалась над ночной тревогой, но в следующую ночь снова едва сдерживала себя, чтобы не пойти к Лидии.

Любовь к дочери переполняла душу Веры Андреевны. Однако чутким сердцем мать улавливала, что, невзирая на бурно выказываемую нежность, Лидия не совсем искренна

с ней.

В долгие годы душевных страданий Вера Андреевна не раз со страхом думала о том, как бы она встретила дочь, если б вдруг отыскала ее. Боль утраты никогда не покидала сердца матери. Но о том, как встретит ее дочь, будет ли любить, сохранилось ли в ее душе дочернее чувство, об этом Вера Андреевна как-то не думала. Ей и в голову не приходило, что Лидия может не любить ее; ну а эти нотки неискренности? Откуда они? Впрочем, Вера Андреевна тут же упрекала себя в чрезмерной мнительности, излишней придирчивости. Откуда, в самом деле, могла Лидия сразу найти в себе дочернюю непринужденность...

Было за полночь, когда Вера Андреевна разделась, выключила приемник и легла в постель. Однако сон не приходил. Глядя в темноту, она продолжала думать все том же и не сразу услышала, как щелкнул замок в дверях комнаты Лидии. Вдруг она уловила какой-то шорох и замерла, прислушиваясь. Но тишину нарушил только посвист ветра за окнами. Видно, ей показалось. Повернувшись на бок, Вера Андреевна смежила усталые глаза. Но закрывшаяся в душу тревога заставила ее сойти с постели. Она накинула на плечи платок, открыла дверь в коридор и подошла к комнате Лидии. Вопреки обыкновению, дверь оказалась запертой. Ключа в скважине не было. Тихонько, чтобы не разбудить Ольгу и Владимира, Вера Андреевна окликнула Лидию. Ответа не последовало.

Молчание это не на шутку встревожило мать. Уж не случилось ли что? Вспомнив о заставленной гардеробом двери, ведущей из ее комнаты к Лидии, Вера Андреевна вошла к себе и попыталась отодвинуть шкаф. Он был слишком тяжелым. Тогда она принялась лихорадочно выбрасывать вещи на кровать.

Наконец шкаф опустел. С трудом удалось его отодвинуть. Ключ торчал в дверях. Заботливый Владимир, опасаясь, что он может потеряться, оставил его в скважине.

Повернув ключ, Вера Андреевна открыла дверь. С сильно бьющимся сердцем переступила порог, споткнулась о стул, включила свет и, окинув тревожным взглядом комнату, замерла: постель Лидии была пуста.

Внезапная слабость заставила ее опуститься на стул. Что произошло? Ведь два часа назад Лидия легла в постель. Со Степанковским она беседовала по телефону незадолго до этого. Куда же она могла пойти? Вера Андреевна, ничего не понимая, вновь оглядела комнату. Около опрокинутого стула валялась шитая бисером сумочка Лидии. Преодолевая слабость, Вера Андреевна машинально нагнулась и подняла ее. На полу осталась брошь. Вера Андреевна подняла брошь и хотела положить в сумочку, но ее внимание привлек недлинный эластичный шнурочек с наконечником, вмонтированный в брошь с тыльной стороны. Нетрудно было догадаться, что брошь предназначена не столько для украшения, сколько для... «Для чего собственно?» – холодея, подумала

мать. Как в бреду, положила она на место сумочку, выключила свет и, шатаясь, вышла. Закрыв дверь на ключ, с усилием подвинула шкаф на место и подошла к столу. Глаза неотрывно смотрели на брошь, точно искали разгадку всему этому. Мысли одна страшней другой проносились в голове. Вера Андреевна устало провела рукой по лицу, как бы снимая невидимую паутину. Нет, ни о каком свидании речи быть не могло. Она же слышала, как Лидия прощалась со Степанковским, пожелала ему спокойной ночи. Куда же она могла пойти? Зачем? И эта брошь... Что-то в нее вмонтировано, слишком она тяжелая... Для чего же она служит? Каким образом эта вещь попала к дочери? Неужели Лидия обманула ее, скрыла свою настоящую жизнь? А что она вообще знает о дочери?

Ошеломленная свалившимся на нее горем, Вера Андреевна задумалась над тем, что ее дочь воспитывалась у неведомых ей людей, что она, в сущности, не знает ее увлечений, интересов. Она даже не знает толком ее прошлого. Нет, все равно не может быть, чтобы родная дочь таилась от матери! Тут просто какое-то недоразумение. Надо немедленно поговорить с Лидией. Она сделает все, чтобы помочь своему ребенку выпутаться из беды, если беда действительно случилась. В этом ей помогут Володя, Валентин...

При мысли о Владимире и Валентине Веру Андреевну вдруг обдало холодным потом: номерной завод... секретные работы... Страшная догадка о том, что Лидия подослана к

Матвееву и Степанковскому, сразила ее.

Вера Андреевна не помнила, сколько длилось это состояние оцепенения – одно мгновение или час. Из груди измученной женщины вырвался стон:

– Что же делать? Объясниться с дочерью? А вправе ли она брать на себя ответственность, размеров которой она не представляет? Разве это только ее личное дело? И потом, где гарантия, что Лидия раскроет перед ней душу? А если этим разговором она совершит непоправимую ошибку?

Эти думы разрывали ей сердце. Дрожа в нервном ознобе, Вера Андреевна ходила из угла в угол. Она решила дождаться дочери. За окнами тоскливо выла метель, под сильным ветром и крепчавшим морозом жалобно скрипели деревья.

Глава XIV

Город тонул в сонной тишине, когда на перекрестке улиц, неподалеку от квартиры Матвеевых, появился высокий, спортивного вида человек. В руке он держал чемодан. На нем было пальто из ворсистого сукна с широким поясом из того же материала, а на голове, несмотря на крепкий мороз, – велюровая шляпа. Поставив чемодан у ног, он подал знак единственной бывшей на стоянке машине.

– Подождем здесь немного, – тихо сказал он шоферу, садясь в машину. Пассажир откинулся на спинку сиденья и замолчал.

Спустя четверть часа из переулка Грибоедова вышла женщина. Поеживаясь от холода и отворачивая лицо от сильного ветра, она быстро подошла к машине, открыла заднюю дверцу и села, не проронив ни слова.

– Наконец-то! Я рисковал опоздать на поезд.

– Успеете. Раньше нельзя было, – ответила женщина.

– На вокзал, – буркнул пассажир, и машина рванулась с места.

* * *

Несмотря на поздний час, привокзальный ресторан был заполнен посетителями: через тридцать минут отходил ско-

рый на Москву.

Дэвис следовал за Лидией, и его квадратное красное от мороза лицо выражало полное равнодушие к сидевшей за столиками публике.

Хотя этот ресторан находился не в центре города и меньше всего можно было ожидать встретить здесь кого-нибудь из знакомых, да еще в такой поздний час, все же Лидия настороженно окинула взглядом зал.

Они отыскиали свободный столик. Грязная посуда с остатками пищи была еще не убрана. Присев на краешек стула, Лидия скромно сложила руки и с безразличным видом обвела взглядом ужинающих.

Минуты три спустя в ресторан вошел стройный молодой человек в хорошо сшитом костюме. Он занял столик, оседлал нос очками и уткнулся в меню.

Дэвис знаком подозвал официанта, заказал ужин и попросил поторопиться.

Официант велел помощнице убрать посуду, а сам стал записывать заказ.

После того как официант ушел, Лидия положила руки на стол и посмотрела в лицо соседу. Тот поспешно наклонился.

– Наша встреча не должна затягиваться, – тихо заговорила Лидия. – Настало время решительных действий. Опытный самолет построен. Завтра, в четыре, он вылетает в пробный рейс. Полет рассчитан пока только на пять тысяч километров. Следовательно, будет находиться в пути недолго.

Необходимо самолет взорвать в воздухе. На борту будет и сам конструктор. Это редкая удача, и ею мы воспользуемся полностью. «Сюрприз» при вас?

Дэвис глазами указал на лежавшую рядом со спичками никелированную шкатулку, напоминавшую обычный портсигар. Лидия открыла сумочку и спрятала в нее шкатулку. Незаметным движением Дэвис положил на ее место портсигар.

– Очень хорошо, – продолжала она. – По моим расчетам, самолет взорвется в воздухе примерно за тысячу километров отсюда. Пока об этом узнают, мы успеем осуществить вторую часть моего плана...

Лидия взяла сигарету из портсигара Дэвиса и закурила.

– Страшно хочется пить! Вы минеральную заказали?

– Простите, упустил из виду. Сейчас позову официанта.

– Минуточку, я посмотрю, какая здесь есть, – поспешно перебила она Дэвиса, поднялась и подошла к соседнему столику.

– Разрешите взять у вас меню, – улыбаясь, попросила Лидия.

Сосед был поглощен чтением какого-то рассказа в «Крокодиле». Он рассеянно кивнул и вновь погрузился в свой журнал.

Лидия взяла меню и возвратилась к своему столику.

– Я хотел бы кое-что уточнить, мисс...

– Меня зовут Лидией Севериновой, – прервала она.

Губы Дэвиса вытянулись шнурочком, что означало приступ раздражения.

– Понятно, – процедил сквозь зубы Дэвис. – Вы хорошо знакомы с системой «Сюрприз–12»? – Он исподлобья взглянул на Лидию и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Кто же пойдет на то, чтобы взорвать самолет и себя? Не вы ли? – Дэвис иронически сощурился.

– А вам не улыбается перспектива вознестись таким способом на небеса? – вкрадчивым шепотом спросила Лидия.

Дэвис побледнел.

– Ну, ладно, – с нескрываемым презрением произнесла она, – можете не дрожать за свою драгоценную особу. «Сюрприз» будет доставлен Степанковскому моим верным пажом. Есть тут такой у меня. В театре вы должны были его заметить в нашей компании, невысокого роста...

– Волосы на пробор, маленькие глазки, – в унисон ей дополнил Дэвис.

– Вы внимательны, – заметила Лидия. – Да, это Олег Кораллов. Вот он и доставит шкатулку Степанковскому. Олег проходил на заводе практику, и ему разрешено присутствовать при взлете самолета. Я отпущу его только за несколько минут до взлета, когда времени останется ровно столько, чтобы успеть добежать до заводского аэродрома и вручить шкатулку Степанковскому. Что касается самого конструктора, то у него будет предостаточно хлопот. Я возьму с него слово открыть шкатулку лишь после взлета. – И с циничной

улыбкой добавила: – Мысли о любимой требуют спокойной обстановки...

После выразительной паузы Лидия продолжала:

– Нажав кнопку на шкатулке, он раскроет предохранительную крышку, под которой его будет ожидать приятный сюрприз – мой миниатюрный портрет, предмет его давнишних мечтаний. Ну, а чтобы извлечь мое письмо, очень важное для нас обоих, ему придется нажать вторую кнопку. Это усилие будет последним в его жизни...

Облокотившись на спинку стула рукой, в которой дымилась папироса, Дэвис с любопытством смотрел на Лидию. Да, шеф был прав, она далеко пойдет. Эту особу ждет завидная карьера...

Официант поставил на стол пиво, стопку водки.

– Принесите, пожалуйста, нарзан, – обратился Дэвис к официанту.

– Сей момент будет доставлено.

– Надеюсь, – продолжала Лидия, когда официант исчез, – вам объяснять незачем: Кораллова надо убрать после этого немедленно. Ведь после взрыва разные мысли могут прийти в голову. Кто-нибудь может заметить, а впоследствии вспомнить, что перед вылетом Степанковскому Олег вручил шкатулку. Голова, разmozженная в пьяном состоянии, вполне убедительное объяснение смерти. Как вы находите?

– Пожалуй, так, но...

– Я давно уже обещала покутить с ним в его излюблен-

ном ресторане, – не слушая Дэвиса, говорила Лидия. – Мальчик постарается в отсутствие Степанковского покорить сердце любимой. Я условлюсь с ним, что буду ждать в ресторане с четырех дня, и он сразу же после отправления самолета приедет туда. Но застанет там только своих собутыльников и со злости напьется. Ну, а благополучно отправить его на тот свет – ваша забота.

Уставившись на бутылку с нарзаном и не дотрагиваясь до ужина, принесенного официантом, Дэвис молчал. Его самолюбие было сильно задето. Итак, он перешел на роль исполнителя чужой воли. Он с трудом сдерживал раздражение.

– В тот же день, ночью, директор завода Матвеев улетает рейсовым самолетом в Москву. – Лидия взяла новую сигарету. – Несомненно, он везет с собой материалы, связанные со строительством этого самолета. Выедет он из дому не раньше трех часов ночи. Это единственный и неповторимый случай заполучить очень ценные сведения... – Лидия запнулась. – Дело в том, что все доставленное мною шефу в фотоснимках ничего значительного из себя не представляет. А тут мы получим то, что нам нужно. Для этого мною составлена вторая часть плана. – Лидия откинулась на спинку стула и оглянулась. Кругом все было спокойно. – До десяти часов вечера вы с Коралловым справитесь. В десять возьмете такси и поедете в поселок Дачный, улица седьмая, дом двадцать шесть. Там проживает некий Пристарцев. Это бывший русский чиновник. Интересуется только хорошей пла-

той. Остальное его не касается. Во дворе дома есть гараж, который снимает для своей машины профессор Кораллов. Машиной сейчас никто не пользуется: сын занят дипломной работой, а старик не умеет водить. Она в полной исправности и заправлена горючим. Ключи здесь. – Лидия достала из сумки и положила на стол коробку «Казбека». – Ровно в полночь ждите меня на перекрестке улицы Свердлова и переулка Грибоедова.

С видом проголодавшегося человека Лидия принялась за еду, а Дэвис опрокинул стопку и, не закусывая, мрачно устоялся в одну точку.

– Матвеев сейчас день и ночь пропадает на заводе, – продолжала она. – После того как самолет подымет в воздух, он вернется домой, чтобы немного отдохнуть перед поездкой в Москву. Документы, следовательно, будут при нем. Но выудить их будет не так-то легко. Проще было бы сфотографировать, но на это нельзя рассчитывать в тех условиях. Придется применить снотворное. Не пройдет и пяти минут, как Матвеев с женой будут спать крепким сном. Остается только войти в комнату и взять материалы. А там... машиной добраться до Заречного и пробраться через границу... Постарайтесь сегодня хорошенько выспаться. Завтра в ночь предстоит сделать на машине многокилометровый бросок...

Дэвис по-прежнему молчал... Он курил папиросу за папиросой, лихорадочно обдумывая план Лидии. При всей своей придирчивости Дэвис не мог найти в нем изъяна.

Вновь и вновь анализируя, Дэвис вдруг подумал, что не всякий агент так легко согласится бросить родную мать, обретенную семью только ради того, чтобы служить чужой стране. Он впервые по-настоящему задумался над тем, что Лидия-то русская! Нет ли туг подвоха? Не рискует ли он? А что, если она, неожиданно найдя мать, решила порвать с разведкой, выдать его? Этим она бы могла спасти себя...

Сомнения закрались в душу Дэвиса.

Наблюдая за Лидией, которая с наслаждением пила нарзан, он старался угадать истинные намерения партнерши.

– Преклоняюсь перед вашим мужеством, – нарушил молчание Дэвис. – Вашей матери нелегко дались долгие годы разлуки с вами, а когда она вас наконец нашла, вы бросаете ее. Этим поступком вы убьете ее. Да, это не каждый сможет... – В его голосе послышались нотки сочувствия.

С лица Лидии, как ветром, сдуло привычную маску вежливости.

– Слушайте... Вы мужчина или чувствительная барышня? – Она презрительно сощурила глаза. – Уж не собираетесь ли вы внушать мне чувства, которых я, к сожалению, – она иронически улыбнулась, – не имела счастья испытать! Эту проповедь вы оставьте для кого-нибудь другого. Сейчас, – в тоне Лидии прозвучали повелительные нотки, – запомните это, Дэвис, вы действуете по моему плану. Никаких отклонений! Делайте то, что приказано. А теперь рассчитывайтесь и идите.

Официант подсчитал стоимость заказа, Дэвис расплатился, бережно взял Лидию под руку и направился к выходу.

Потрохов, наблюдавший за ними, встретился глазами с человеком, сидевшим поодаль. Тот поднялся и, вертя в руках номерок от пальто, вышел.

С подчеркнутой заботливостью Дэвис помог Лидии надеть пальто, незаметно окинул взглядом присутствующих в гардеробной. Потом оделся сам, туго затянул пояс и, подхватив чемоданчик, взял под руку Лидию и повел ее на перрон.

Из темноты, отфыркиваясь паром и светя мощными фарами, приближался паровоз, подтягивая к вокзалу вереницу вагонов.

Дэвис почтительно попрощался с Лидией, поднялся на подножку вагона и помахал ей рукой. Лидия сделала несколько шагов вслед уходящему поезду, краем глаза посмотрела на опустевший перрон и направилась к выходу.

Глава XV

Порывы сильного ветра бросали в лицо мелкие крупинки сухого снега, жгли щеки. Приходилось то и дело придерживать полы демисезонного пальто и шляпу. Но лейтенант Костричкин упорно шел по безмолвным улицам, стараясь не терять из виду шедшую впереди женщину, а самому оставаться незамеченным. Женщина свернула за угол, Костричкин ускорил шаги, остановился на углу и увидел, как она подошла к автомобилю, запорошенному снегом, и открыла дверцу. Лампочка на миг вспыхнула, осветила сонную фигуру шофера и погасла; застывший мотор резко затрещал, и машина тронулась.

Карманным фонарем Костричкин подал сигнал другой машине, следовавшей за ним на некотором расстоянии с незажженными фарами.

Сквозь ветровое стекло лейтенант неотрывно следил за такси. Вот на углу улицы Свердлова оно остановилось. С минуты женщина оставалась в такси, очевидно, рассчитываясь с шофером. Потом она прошла в переулок Грибоедова и исчезла за дверью дома № 9, которую открыла своим ключом.

Костричкин знал, что это квартира Матвеевых. Откуда же у Севериновой ключ от квартиры?

Итак, предположения полковника Решетова оказались верными: «невеста» Степанковского зашевелилась. Край за-

весы, прятаясь лицо врага несколько месяцев, слегка приподнялся.

Лейтенант посмотрел на часы. Было ровно два часа ночи. Очень не хотелось беспокоить полковника в такой поздний час. Но Решетов приказал при малейшем движении «невесты» дать ему немедленно знать, когда бы это ни случилось.

* * *

Глубокой ночью Решетова разбудил телефонный звонок. Спустя двадцать минут у себя в кабинете он слушал доклад Костричкина о свидании Лидии с «Тигром».

Итак, долгие месяцы скрывавшийся враг начал действовать. В ближайшие часы надо ждать исключительно важных событий. Решетов и его помощники старались предвидеть дальнейшие шаги агента. До последнего времени Северинова вела себя очень осторожно. Если она решила на встречу в ресторане, значит, к этому ее вынуждала крайняя необходимость. Все это говорило о том, что развязка близка.

Еще несколько месяцев тому назад, когда Решетов изучал материалы следствия, особое внимание он обратил на исчезновение вещей у пострадавшей женщины. Это в какой-то степени пролиvalo свет на личность агента. Мужчина, идущий на специальное задание, не станет без острой необходимости рисковать, чтобы забрать у беззащитной путницы ее вещи и, несомненно, документы. Это наводило на мысль,

что агент – женщина. То обстоятельство, что в поезде перед Костричкиным предстал мужчина, не могло обмануть Решетова. Для него не было секретом, что иностранная разведка применяет самые неожиданные приемы маскировки при переброске шпионов. В данном случае, несомненно, преследовалась определенная цель: при необходимости побега замести следы путем «превращения» мужчины в женщину. Это предположение подтверждается и материалами следствия.

Решетов мысленно постарался восстановить события. Заметая следы, шпион расположил к себе женщину и, выпытав кое-какие сведения из ее биографии, постарался на время вывести ее из строя. Пользуясь подлинными, а не сфабрикованными документами пострадавшей, шпионка во время приписки и в автобиографии писала примерно точные сведения, и полученные из Самарканда данные почти полностью совпадали. Тем не менее некоторые расхождения в анкетных данных настораживали.

Поэтому Северинова ни на минуту не ускользала из-под наблюдения работников Комитета. После того как стало известно о близких отношениях шпионки со Степанковским, Решетов обеспечил постоянную охрану жизни конструктора. Однако это сохранялось в тайне от Степанковского. Ослепленный любовью к Лидии, он бы ничему не поверил. А если бы и поверил, то каким-нибудь неосмотрительным поступком насторожил бы Северинову. Единственное, что Решетов считал необходимым, – предупредить Степанковского

о строжайшем соблюдении секретности относительно всего, что касается конструкторского бюро.

Между тем отношения между Степанковским и Севериновой крепились с каждым днем: их все чаще встречали вместе, знакомые поговаривали об их скорой свадьбе.

Полковнику было от души жаль Степанковского, питавшего такие хорошие, чистые чувства к женщине, которая хладнокровно готовила ему смертельный удар...

Полковник вновь перелистывал материалы следствия, тщательно взвешивая каждую деталь. Анализируя извилистый путь шпионки, полковник предугадывал очередные ее шаги.

Резкий телефонный звонок оторвал его от материалов.

– Решетов слушает, – слегка охрипшим голосом проговорил он.

– Докладывает Корнилов. На сороковом километре «Турист» сошел с поезда. Снял номер в привокзальной гостинице. Какие будут указания?

– Продолжайте наблюдения!

– Есть! – послышался ответ.

Решетов положил трубку на рычаг и глубоко задумался.

Длительное время Северинова ничем себя не выдавала. На работе держалась как обычно, подозрительных знакомств не заводила. Ни настороженность Нади Степанковской, о которой доложил полковнику Крылов, ни даже встреча с «Туристом» не давали возможности заглянуть в карты врага.

Такого изворотливого шпиона необходимо перехитрить, поймать с поличным и прижать к стене неопровержимыми фактами. Тогда только можно будет заставить его заговорить. А рассказать Северинова могла очень многое...

И вот после столь долгой и упорной маскировки шпионка сделала открытый шаг. По-видимому, игра стоила свеч. Уж если она решилась на откровенную встречу с сообщником, значит, на кон была поставлена крупная ставка. Несомненно, это связано с окончанием строительства опытного самолета Степанковского.

Что же она намеревается предпринять? Дело осложнялось еще и тем, что Северинова поселилась у Матвеевых.

Решетов знал, что это произошло после встречи Нового года. Чем это объясняется? Надо срочно выяснить.

Полковник подошел к окну. Светлая полоска разрежала пасмурное небо: начинало светать. Он уже надел пальто, чтобы заглянуть на часок домой, но тут зазвонил телефон. Из отдела пропусков доложили, что к нему просится некая гражданка Панюшкина. Хотя ей объяснили, что так рано начальник не принимает, она все же просит пропустить ее.

Решетов распорядился немедленно выписать пропуск и проводить Панюшкину к нему. Он снял пальто и зашагал по кабинету. Панюшкина – теща Матвеева. Он никогда ее не видел. Что ее привело сюда, да еще в столь ранний час?

Глава XVI

– Доброе утро! – Вера Андреевна обвела растерянным взглядом кабинет.

– Здравствуйте. Присаживайтесь, пожалуйста. – Решетов пододвинул женщине стул.

Даже и менее наблюдательному человеку, чем полковник, бросалась в глаза взволнованность посетительницы.

– Простите, что врываюсь к вам ни свет ни заря, – стараюсь подавить волнение, заговорила Вера Андреевна. – Может быть, напрасно все это, но... я не могла не прийти к вам...

Решетов налил в стакан воды и подал Панюшкиной.

Вера Андреевна отпила глоток. Рука ее дрожала так, что вода пролилась. Женщина еще больше растерялась.

– Успокойтесь, пожалуйста, – мягко произнес полковник.

С минуту Панюшкина молчала, как бы собираясь с мыслями.

– Я бы хотела быть краткой, – наконец заговорила она, – и не занимать долго вашего времени. Но если не расскажу подробно, вам не все будет ясно. И тогда... может быть допущена страшная ошибка. А мне необходима уверенность, что ошибки ни с моей стороны, ни с вашей не будет. Поэтому прошу вас внимательно меня выслушать. Идет речь о государственном деле, о личном счастье или страшном горе...

– Времени у меня достаточно. Пожалуйста, не думайте

обо мне и говорите обо всем подробно, – успокоил ее Решетов.

– Придется начать с далекого прошлого... Мне было восемнадцать лет, когда отец умер; матери я лишилась еще раньше. Вообще я была плохо приспособлена к жизни. К тому же в нашем небольшом уездном городке работу найти было невозможно. Не видя никакого выхода, я по настоянию тетки вышла замуж за молодого офицера Белгородова. Он был из известной в городе состоятельной дворянской семьи. Через год у нас родилась дочь. Ребенок был единственным моим утешением в семье Белгородовых... Когда революция докатилась и до нашего городка, привычные устои пошатнулись. Смена властей заставила родителей мужа часто менять место жительства. Я оставалась на месте; было трудно переезжать с маленьким ребенком, а родители мужа были рады, что я оставалась сторожить их добро. Однажды в нашей квартире поселился комиссар Панюшкин. По вечерам к нему приходили молодые рабочие. Слушая их речи о новой жизни, о борьбе за это будущее, я захотела быть вместе с ними. Это желание стало решимостью, когда я поняла, что полюбила Панюшкина... Мы решили не расставаться. Предстояли трудности дорог, опасности боев. И я временно оставила маленькую дочь у своей тети, а сама ушла на фронт... Изредка навещала дочь. Ребенок рос нормально. Тетка в ней души не чаяла, и я была за нее спокойна. Но вот однажды, под Новый год, я приехала навестить мое дитя и узнала, что

Белгородов увез дочь неизвестно куда.

Вера Андреевна достала платок и вытерла навернувшиеся слезы.

Решетов деликатно молчал.

Кое-как справившись с волнением, она продолжала:

– Дочь исчезла бесследно. Ходили слухи, что Белгородов увез ее за границу... Мой муж, Панюшкин, всячески старался облегчить мои страдания. Когда у нас родилась дочь, боль утраты постепенно притупилась. Но забыть первого ребенка я не могла. И вот, можете представить себе, после стольких лет неизвестности она нашлась... Да, да... нашлась, – проводя рукой по лицу, продолжала Вера Андреевна. – Невероятно, но это так!

Волнение Панюшкиной невольно передалось полковнику.

– Вы твердо уверены, что это ваша дочь, товарищ Панюшкина? – старательно подбирая слова, осторожно заговорил Решетов. – Ведь прошло столько лет...

– Что вы! – поспешно возразила Вера Андреевна. – Какая мать не узнает своего ребенка, как бы длительна ни была разлука. Она так похожа на меня. Есть и еще одно неопровержимое доказательство... Словом, у меня нет сомнений, что это моя дочь.

Она тяжело перевела дыхание.

– При каких же обстоятельствах произошла ваша встреча?

– Впервые я встретилась с нею, как это ни странно, в ночь

под Новый год. Она пришла к нам со своим женихом Степанковским. Вы, вероятно, знаете его. Она произвела на меня самое приятное впечатление. Меня очень потянуло к ней. Даже непонятно это было вначале. И еще бросалось в глаза ее поразительное сходство с Ольгой – моей младшей дочерью. А потом... потом я обнаружила родимое пятнышко на виске...

Вера Андреевна замолчала, машинально смахнула не перестававшие бежать слезы. Потом спохватилась, что бесцельно вертит в руках пресс-папье, и отодвинула его.

– Все эти годы, – подняла она на полковника покрасневшие глаза, – меня преследовали видения ужасной участи моей девочки... Вам, наверно, понятно горе матери. И вдруг такое счастье! Не могу и приблизительно передать вам, что испытала я. – Вера Андреевна вопросительно посмотрела на Решетова. – Простите, я отвлекаю вас подробностями, интересными только матери...

– Нет, нет, товарищ Панюшкина. Наоборот, все это глубоко интересно для меня. Продолжайте, пожалуйста.

– Так о чем я? Ах да. Моя дочь нашлась. С тех пор я жила, как в счастливом сне. Но вот вчера ночью произошло нечто ужасное. Примерно около двенадцати часов мне почудился какой-то необычный шум. Я поднялась, чтобы провести дочь. Против обыкновения, дверь ее комнаты оказалась запертой. На мой зов никто не откликнулся. Это встревожило и напугало меня. Я бросилась к двери, заставленной шка-

фом. Обычно мы ею не пользовались. Когда я включила свет, в комнате дочери не было. Меня охватил страх. Куда девалась Лидия? Ведь она при мне легла в постель. Что заставило ее выйти из дому в такой поздний час? Ответа на эти вопросы я не находила... Но я забыла вам сказать, что, открывая дверь, я опрокинула стул. На полу лежала сумочка Лидии. Рядом валялась ее любимая брошь, выпавшая, очевидно, из сумочки. Я подняла ее и хотела положить на место, но мое внимание привлек шнурочек с наконечником, вмонтированный в брошь. Удивили тяжесть броши и непонятная выпуклость на ее тыльной стороне. Для чего служит эта брошь? Я вернулась к себе. Меня мучили эти мысли и в то же время я старалась убедить себя, что все это – плод моего болезненного воображения... В большом волнении стала ждать возвращения дочери. Время тянулось нескончаемо долго. Наконец замок тихо щелкнул, послышались приглушенные шаги. Я решила попытаться вызвать дочь на откровенность и отправилась к ней. Дверь была уже открытой. Лидия вскочила и зажгла свет. У кровати стояли ее ботинки, с которых еще не успел стаять снег. «Ах, это ты, мама? А я так сладко спала, что не слышала, как ты вошла», – сказала она и зевнула. У меня упало сердце от этих слов. Слабая надежда, что ее уход вызван какой-то безобидной причиной, развеялась, как дым. Я поняла, что дочь замкнулась и ни о чем говорить со мной не будет. Не желая настораживать ее, я объяснила, что просто хотела перед сном взглянуть на нее, убедиться, что

все благополучно. Она без смущения сказала: «Ну, что ты беспокоишься зря, дорогая? Я не маленькая. Иди, мамочка, спать...» Остаток ночи прошел в тяжелом раздумье. Опы-
неннная своим счастьем, я раньше как-то не придавала осо-
бого значения тому, что моя дочь воспитывалась не извест-
ными мне людьми, неведомо кто окружал ее... Что чуждо и
что близко ее сердцу? Каковы ее идеалы? Об этом я ничего
не знала... А как спокойно она лгала, глядя мне в глаза. В ту
ночь я вынесла такую муку, какой не испытала за всю жизнь.
К утру пришла к твердому убеждению, что обязана, не от-
кладывая ни на минуту, идти к вам и рассказать обо всем...
Я прошу вас проверить, откуда прибыла моя дочь, что она
делала все эти годы и... кто она сейчас.

Голос ее охрип от волнения. Она посмотрела в глаза Ре-
шетову.

– Прошу вас, не считайтесь со мной. В случае, если она
была с отцом за границей и... завербована... Я не имею пра-
ва решать этот вопрос. Но если она – враг, то что значит пе-
ред этим моя личная материнская боль?..

Вдруг лицо Веры Андреевны перекошилось от душевной
боли. Вся подавшись вперед, она дрожащей рукой схватила
руку Решетова.

– Может быть, вы знаете о ней что-нибудь? Скажите. Я
чувствую, что знаете...

Нервное напряжение достигло предела, и, уже не стесня-
ясь Решетова, Вера Андреевна разрыдалась.

Взволнованный полковник молчал. Сколько горя перенесла эта женщина! А теперь он должен обрушить на нее еще новую муку. Но вместе с тем он чувствовал, что не может не сказать ей всей правды. Ему было ясно, что перед ним человек, который от неизвестности будет страдать еще больше.

– Скажите, пожалуйста, а брошь, что вы нашли... Где эта брошь? – осторожно заговорил Решетов, когда Вера Андреевна несколько справилась с волнением.

– Я захватила ее с собой. А потом... потом решила показать вам.

Панюшкина открыла сумочку, достала бумажный сверток, развернула и положила на стол брошь.

– Вы правильно сделали, Вера Андреевна.

Решетов долго и внимательно разглядывал украшение.

– Да... так и есть... – вслух рассуждал он. – Интересно... – и снова стал тщательно осматривать брошь. – Да, Вера Андреевна, – обратился полковник к Панюшкиной, – это микрофотоаппарат. Им пользуются исключительно в шпионских целях...

Вера Андреевна пошатнулась, лицо ее покрылось меловой бледностью. Полковник бросился, чтобы поддержать ее. Но, к его удивлению, Панюшкина отстранила его руку.

– Что я должна сейчас делать? – твердо спросила она. И видя, что Решетов молчит, продолжала: – Я ведь просила вас не считаться со мной. У меня хватит сил выполнить свой долг до конца. Говорите, что мне делать?

– Товарищ Панюшкина, теперь самое главное – ни в коем случае не менять своего отношения к дочери. Все должно оставаться по-прежнему... И, пожалуйста, положите незаметно брошь в сумочку Севериновой...

– Я сделаю все, что от меня потребуется. Благодарю вас за то, что уделили мне столько вашего дорогого времени...

– Это вам большое спасибо, Вера Андреевна, за чистоту вашей души. Желаю вам мужества. – Решетов почтительно пожал руку Панюшкиной.

Вера Андреевна повернулась и нетвердой походкой вышла из кабинета.

Глава XVII

После новогодней ночи Майю не покидало чувство вины перед Матвеевыми, особенно перед Верой Андреевной. Как она могла, даже в мыслях, таить такое страшное обвинение по отношению к члену их семьи?

Майя решила временно воздержаться от посещения Матвеевых. Она очень страдала от этого. И когда позвонила Вера Андреевна, Майя так обрадовалась, что в первую минуту не находила слов.

Вера Андреевна сказала, что сразу же после работы будет ждать Майю у себя. Ее голос – обычно спокойный, ласковый – звучал теперь как-то неуверенно. Майя хотела было отказаться, но Вера Андреевна еще раз повторила свою просьбу и повесила трубку.

Свежевыпавший обильный снег одел улицы в праздничный наряд. Но Майя не замечала ничего. Ее беспокоила и смущала предстоящая встреча. Как она посмотрит в добрые, любящие глаза Веры Андреевны?

На углу переулка Грибоедова она столкнулась с молодым человеком в коричневом пальто и такого же цвета шляпе. Он чуть не сбил ее с ног и машинально обхватил за плечи. От неожиданности Майя страшно смутилась и покраснела, а молодой человек в неменьшем смущении развел руками и снял шляпу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.